

Маргарита ЮЖИНА

Свадебный
марш на балалайке

Маргарита Южина

Свадебный марш на балалайке

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161118

Свадебный марш на балалайке: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-08412-6

Аннотация

Никак не мог понять закоренелый маменькин сынок Дуся, зачем он вдруг понадобился такой классной девчонке, как Ксюша? Притащила к себе в особняк, покупает ему модные тряпки, учит стрельбе и приемам борьбы. Готовит из него личного охранника? Но какой из Дуси – лежебоки, обжоры и тюфяка – охранник?.. Тут может быть только два ответа: либо против него затевается что-то нехорошее, либо впереди Дусю ждет марш Мендельсона и женитьба на безумно полюбившей его красавице Ксюше! А что, решает Дуся, бывают и не такие чудеса на свете. Но выясняется, что есть и третий вариант – абсолютно невероятный. Чтобы узнать правду, бравый маменькин сынок расследует два странных убийства...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Маргарита Южина

Свадебный марш на балалайке

Глава 1

Скандал в аистином гнезде

Он топил мотоциклиста с остервенением и злостью. Ему казалось, что именно этот навороченный байкер тревожил по ночам несчастных старушек и обижал женщин. Сколько же можно! Наказать! Непременно наказать! Утопить! И пусть ему будет больно! Но вершить справедливость было нелегко: сначала он еле отодрал мерзкого наездника от мотоцикла, а потом тот никак не хотел топиться! И все же зло должно быть наказано!

– Дуся! Дусенька, сынок, хватит играть, мама волнуется! Вода уже, наверное, остыла. Хорошо промой ножки! Слышишь маму?! – раздался за дверью ванной голос матери. – Открой мне двери, я тебе головку помою!

Дуся надулся, точно краснозобая лягушка. Еще чего! Ему уже тридцать шесть лет, а мать каждый раз пытается проврать помыть ему голову.

– Мам, я сам, – протрубил он и принялся лить на голову детский шампунь без слез.

– Дусик! Не забудь ушки помыть! – дергала мать ручку двери.

– Опять, что ли? Я утром мыл! Так никаких ушей не напасешься, – гудел из ванной недовольный бас.

Однако мама, пышнотелая Олимпиада Петровна, теперь подглядывала в щель, и плюхаться в воде дальше не было никакой возможности. Дуся выудил из воды игрушечного мотоциклиста и перенес его казнь на следующий раз, намылил толстые сарделечные пальцы и затолкал их в уши. Голос матери за дверью стих. Наверняка уже половина девятого и маменька уселась смотреть новости. Дуся не ошибся: когда он вошел в комнату, точно борец сумо – в одной набедренной повязке, – Олимпиада Петровна, прикинув длинным носом к самому экрану, впитывала последние известия.

– Мама, а где теплое молоко? – капризно накуксился Дуся.

– Сыночек, Дусенька, потерпи две минуточки, – заблеяла мать. – Сейчас мама посмотрит, какая у тетеньки прическа, и пойдет согреет сыночку молочка. Подожди, Дусик.

Дусик решил наказать нерадивую мать и, театрально вскинув голову, поплелся на кухню. Между прочим, могла бы про прическу и не напоминать! Это именно он, сын, стал жертвой ее страсти к пышным шевелюрам. Матушка работала гардеробщицей в стоматологии, и какая-то, видимо, слишком обозленная пациентка притащила Олимпиаде Петровне мазь

для бурного роста волос. Неизвестно, что матушке ударило в голову: волосы на голове ее сына еще держались, – но она притащила эту лечебную смесь и в тот же вечер густо удобрила шевелюру Дуси. Месиво воняло несвежей рыбой, куриным пометом и лимоном, голову жгло нещадно, но Дуся терпел. И зря. После положенного срока мазь они смыли вместе с волосами. Теперь уже прошло несколько лет, но волосы принципиально отказываются расти. Нет, они растут, но совершенно несолидно: постоянно вырастает только реденький кучерявый хохолок посреди головы, все остальное остается гладким и блестящим, как больничный плафон. И вот теперь матушка даже не сподобилась погреть сыну молока из-за чьей-то там прически. Он, конечно, пойдет выпьет молоко из холодильника, и пусть у него простудится желудок!

По ушам Дуси резанул дикий звук, напоминавший карканье ворон у мусорных бачков. Дуся насторожился, а когда тот же звук снова повторился, он уже резво выскочил в комнату.

Мать сидела все там же – перед телевизором, – глаза ее вылазили из орбит, а руки шарили по голубому экрану. Олимпиада Петровна силилась что-то сказать, но из горла вырывалось только карканье.

– Мамусик, ты испортишь телевизор, – подошел Дуся и в следующую секунду чуть сам не закаркал.

На экране был очередной выпуск передачи «Какие люди у нас на блюде!», и ведущая, тощенькая брюнетка в морков-

ном пиджачке, брала интервью у самого... Дусика!

— По... чему ты не сказал мамочке, что тебя вы... пустили в эфир? — просипела Олимпиада Петровна. — Я бы тебе... пирожков на дорожку испекла.

Мать уже отошла от первого шока и стала прислушиваться к разговору. Дуся же уставился на экран и силился припомнить, когда же он умудрился попасть на известную передачу. Память ехидно подсовывала только рабочие будни и пресное пребывание с матушкой в последние дни.

— Дуся! Мальчик мой! Что ты мелешь?! Что ты несешь, гад такой?! — вслушиваясь в телевизионную речь сына стремительно бледнела мать. — Дуся! Какой черт тебя тянет за язык?! Евдоким! Чем тебе помешал наш губернатор?! О боже! А... твой главный?... Лучше бы ты немым родился...

Дусин хохолок на голове встал дыбом — с экрана публично он крыл всех и вся последними словами, начиная с высших эшелонов власти и заканчивая собственной матерью. Огромный кусок выступления был посвящен его непосредственному начальству.

Дуся — по паспорту Евдоким Петрович Филин — много лет трудился на одном и том же производстве — в роддоме. Сначала он работал невзрачным сторожем. Его устраивало все: и сутки через трое, и возможность тихо и спокойно выспаться, и близость рабочего места от дома. Правда, пару раз хмельные папаши били ему лицо просто так, от избытка эмоций, но потом сами же слезно просили прощения и даже зада-

ривали цветами, отобранными у собственных жен. Он бы и работал дальше, если бы не вопиющий случай: в каком-то роддоме похитили ребенка, и весть об этом немедленно просочилась в газеты. Должность сторожа мгновенно превратилась из серой и невзрачной в почти героическую. Дуся до обмороков боялся преступников, а посему срочно переквалифицировался в санитары. И их главный, Матвей Макарович, начальник до приторности положительный, ему не препятствовал. За одно это Дуся готов был ему до пенсии петь дифирамбы и покупать диетический кефир, а тут, поди ж ты, прямо с экрана телевизора такая мерзость!..

– ...Беликов Матвей Макарович – это самый страшный человек в родильном доме! – брызгая слюной, кипятился Дусик в телевизоре. – Его надо снимать! Это атавизм! При виде Беликова даже у небеременных женщин начинаются схватки! Да вот, взять хотя бы мою мать! Она же при виде его просто пузырится вся! Вообще-то матушка пузырится при виде любого мужчины.

– Нахал!!! – выкрикнула Олимпиада Петровна, звонко шлепнула сынулю по блестящей лысине и еще ближе пододвинулась к экрану. – Сегодня ты будешь наказан – я лишу тебя булочек на ночь!

Дуся взревел от несправедливости:

– Мама!!! Ты что, не видишь?! Этот тип вовсе даже не я!! Я никогда не ношу такие обтягивающие джинсы!

Олимпиада Петровна снова приникла к экрану: теперь

она старалась в тонкостях рассмотреть нижнюю часть тела выступающего, но того, как назло, показывали только сверху.

– Да что ты меня путаешь?! – не выдержала она. – Вон, посмотри, у него даже шея как у тебя – в крупную складочку! И рубашка такая же – беленькая в зеленый горошек! Да такой рубашки больше ни в одном городе не сыщешь – сейчас такие не носят! Ее тебе еще баба Катя с первого этажа шила! Из фланельки!

А самозванец в телевизоре не унимался: он развалился в кресле, вальяжно махал руками и делился планами:

– Я собираюсь сместить Беликова Матвея Макаровича с его поста – не соответствует, идет на поводу у женщин! Сейчас буду хлопотать, чтобы мне освободили подъезд, больно соседи донимают, их место за пределами города, а возле крыльца надо организовать стоянку.

– А ваши родственники поддерживают эту политику? – мило улыбалась бесчувственная ведущая.

– Из родственников у меня только матушка-маразматичка. В ближайшее время я собираюсь вытолкать ее замуж, а если желающих мужей не найдется, пусть тогда ею займутся специалисты в доме престарелых.

– С вами была программа «Какие люди у нас на блюде!» и гость студии Филин Евдоким Петрович, а также я, ее ведущая Алена Лапина.

Сомнений не оставалось. Олимпиада Петровна медленно поплелась в свою спальню, где завалилась на кровать с душе-

раздирающим грохотом и принялась громогласно страдать. Дусик с вытаращенными глазами немедленно потрусил следом, испуганно подвывая:

– Мамуля-я-я, это что же творится-я-я, а? Это как же меня туда затолкали-то? Я ведь и в мыслях... мама-а-а...

– Уйди, неблагодарное дитя! Я буду оплакивать свои глупые материнские надежды, – пыхтела, пытаясь вытолкать из своей комнаты сына, Олимпиада Петровна.

Она кряхтела, упиралась Дусику в живот и даже два раза небольно пристукнула утюжком, но сын лез в комнату и скулил:

– Ага! Свои надежды она оплакивать будет! А мои? Меня завтра обязательно Беликов с работы турнет! И куда я? Сто-рожем в детский сад? Опять под пули?

Матушка еще покряхтела и, выскочив из комнаты, уединилась в туалете. Ей надо было обдумать все услышанное. С одной стороны, Дуся планировал ее пристроить в дом престарелых, и это ей не нравилось. Но с другой – обещал выдать ее замуж! Так, может, не стоит слишком журить ребенка?

И все-таки в этот день Олимпиада Петровна сына не простила и впервые за тридцать шесть лет не поцеловала его на ночь.

Утром Дуся проснулся от долгого и нудного звонка.

– Мама! Ну открой же! – нервно выкрикнул он, натягивая одеяло на голову.

Мама не отозвалась, а в дверь все так же настырно звонили.

– Никакого покоя... Ну кто там? – поплелся Дуся к двери, шаркая розовыми тапками с заячьими ушами. – Кто?!

– Шапито! Клоуны приехали! Открывай!

За дверью лгали. Это были вовсе не клоуны, а соседи сверху. Дуся сразу узнал по басу Синякина Леньку, парня наглого, самоуверенного и жадного до мордобоя. Интуиция подсказала Дусе, что пришел сосед по поводу вчерашнего телевизионного наскока. Ясно, Синякин не хочет покидать подъезд и насиженную квартирку, тем более что уже закончил евроремонт. И почему-то Дусе казалось, что парень не поверит, что сам Дуся никакого отношения к передаче не имеет. Как назло, мама уже успела удрать на работу в свой гардероб, поэтому пришлось пойти на маленькую хитрость. Изменив свой бас на мышиный писк, Филин звонко выкрикнул:

– А Дуси нет дома! Он уехал в командировку!

– Ясно... Так вот, передайте ему, что как только он в нашем подъезде объявится, я ему сразу устрою пышное погребение! Хрен с ним, за свой счет!

Дуся за дверью притаился. Он, конечно, понимал: фигурки Ленька раскошелится – не такой дурак, но в остальном не сомневался. Проторчав дома еще около часа, Дуся осторожно выскользнул на улицу и бочком-бочком потрусил на работу. На душе скребли кошки, в глазах застряла горестная слеза, а ноги то и дело поворачивали обратно – впереди

предстояла невеселая встреча с главврачом.

– О-о-о! Новоиспеченный начальник! – с фальшивой радостью воскликнул Беликов. Вероятно, он специально ожидал прихода Филина, потому что встретил его в фойе торжественно, как выходил поздравлять только несчастных отцов тройни, и теперь измывался вовсю: – А чего припозднились? Матушку в дом престарелых заталкивали? А зачем сами-то? Уж вы бы приказали... Уж мы бы подсуетились... А вам не туда, зачем вам к грязной работе? Мы вам и кабинетик очистили... в одиннадцатой палате!

В одиннадцатой палате лежали особо нервные роженицы или роженицы с буйным помешательством.

– Стоило ли беспокоиться... – заблеял Дуся.

– Ну как же! – скакал тушканчиком возле него главный, а работники стояли плотным кружком и прыскали в кулаки. – Как же! А где же вам еще развернуться, если не там?! Нет уж, позвольте!

– Я не хочу в одиннадцатую, – упрямился Дуся, ковыряя носком ботинка пол.

– А куда? Вы хотите в мой кабинет?

– Да, – потупился санитар и землянично заалел.

– Вон! Вон из роддома!!! И даже не вздумайте здесь когда-нибудь рожать!!! Ищите для себя другое место!!! – уже не сдерживаясь, визжал Матвей Макарович и швырялся в Дусю ватными тампонами.

Такого неожиданного поворота Евдоким Петрович совер-

шенно не ожидал: меньше чем за сутки он лишился работы, уважения соседей и сострадания матери. И что самое обидное, был невинен как агнец!

Утирая мясистый нос, Дуся спешил домой. Больше всего ему сейчас хотелось забраться на диван, укрыться пледом и уснуть. Ну и проснуться потом, когда уже все выяснится. Но до спасительного дивана надо было еще добратся, не приведи бог натолкнуться на свирепого Синякина.

На цыпочках Дуся прокрался к квартире, шустро крутанул ключ, прыгнул в коридор и захлопнул дверь. Все! Теперь он в безопасности! Филин шумно отдышался.

– Ну вот, а я думала, что мне до вечера здесь придется сидеть, – слышался веселый смешок из комнаты.

На мамином кресле, прямо с ногами (!), сидела неизвестная девица и поигрывала ключиками.

– Одевайтесь, – велела она и поднялась.

– А я еще и не раздевался... – с удовольствием захрюкал Дуся, бросая застенчивые взгляды на гостью.

– Хорошо, тогда поехали.

– Э...э...э... Мне бы хотелось... А куда это, собственно? – заволновался Дуся.

Девушка была довольно миленькой: светлые волосы до пояса, собранные в хвост, огромные карие глаза, пухлые губы и стройная фигурка. Дуся с радостью мог бы посидеть с ней дома, угостить ее мамиными булочками, показать ей свою коллекцию гусениц и даже, может быть, почитать с ней

мамин дневник, который та с прилежностью писала уже пятый год и хранила за бачком унитаза. Однако ехать с незнакомой девицей неизвестно куда Дуся опасался.

– Ну? Шевелитесь! – уверенно рявкнула девица, и Дуся от неожиданности присел. Он и не знал, что такое чудесное создание может издавать столь властные звуки.

– А куда вы меня приглашаете? Учтите, на обед в ресторане у меня нет финансов, – отбежал хозяин в глубь комнаты.

– Вот и поедешь их зарабатывать, – пожала плечами девица, переходя на фамильярное «ты».

Дуся не хотел зарабатывать, он вообще побаивался этой маленькой, хрупкой девчонки, и потом – у него же горе! Она должна с этим считаться!

– Не копайся! – снова прикрикнула гостья. – Матери оставь записку, она все равно уехала к сестре, твоего отсутствия не заметит, на работе тебя уволили, а мы тебе предлагаем повышение. Сможешь заработать приличные деньги.

– Надо кого-то... кх... убить? – пролепетал Дуся, плавно укладываясь в обморок.

Девчонка подскочила и с силой шлепнула его по щеке. Дусина голова шмякнулась о стену, и сознание восстановилось.

– Никого не надо убивать! И кого ты можешь убить? Разве что время! Ну? Ты идешь?

Нет, он совсем не хотел идти. К тому же они могли нарваться на Синякина, а тот церемониться не станет.

Дуся красиво встал, немного изогнулся в талии и прижал

руку ко лбу.

– Я бы рад, конечно, но сегодня по гороскопу звезды мне советовали далеко от дома не отлучаться. Опять же, Венера в фазе...

Девушка не стала слушать звездных советов, а быстро набрала на маленьком телефончике неизвестный номер.

– Алло! Макс?! Поднимитесь и помогите: мне его одного не упереть, он весит, как...

– Всего сто тридцать килограммов и семьдесят граммов, – торопливо подсказал Дуся.

Ему совсем не понравилось, что эта девушка с кем-то там обсуждает его живой вес. К тому же наличие невидимого Макса значительно меняло дело – силе лучше не сопротивляться. И потом, что он может сделать, скромный труженик родильного дома, против мафии? А в том, что это мафия, Дуся даже не думал сомневаться.

Собрался он быстро. Взял только сваренное вкрутую яйцо, рулон туалетной бумаги и мамину фотографию. С фотографией пришлось повозиться, потому что портрет восемнадцать на двадцать три в пластмассовой рамке никак не хотел уместиться в кармане – Дуся просто его заткнул за ремешок, который немедленно лопнул.

– Ну что же это такое?! – нервничала девушка и нетерпеливо перебирала длинными ножками в аккуратненьких джинсиках. – Нельзя же так пугаться! Я только сказала, что тебя устраивают на приличную работу, а ты уже и брюки роня-

ешь! Подвяджись пояском!

Она сунула в руки Дуси поясок от маминого розового халата, с силой выдернула портрет и водрузила его на место, потом, воздев глаза к потолку, отобрала туалетную бумагу и буквально вытолкала хозяина за дверь. Девуца, вероятно, была не в курсе последних событий, потому что в подъезде вела себя громко и вызывающе, пару раз даже прикрикнула на Дусю, который ощупывал исписанные стены подъезда, будто прощался с ними навеки. На крик тут же выскочил Синякин из своей квартиры на верхнем этаже и, гремя сланцами, молнией обрушился на странную парочку:

– Оп-паньки! А вот и Евдоким Петрович! А кто-то пищал, что вас в командировку отозвали! Я уж думал: не нас ли высылать вы удалились?! – кривлялся как макака Ленька.

– Молодой человек, у меня нет времени скалить с вами зубы и у моего приятеля тоже, – хмуро отрезала девушка и отодвинула парня плечом.

– Ах ты ж, батюшки! – всплеснул руками Ленька. – И у меня времени нет! Вы, барышня, не беспокойтесь, я этому Филину быстро морду расквашу, долго вас не задержу!

Ленька прыгнул наперерез Дусе и яростно замолотил руками воздух, вероятно, показывая несчастному, как ему будет больно. Девуца, однако, пугаться не собиралась: она молниеносно выкинула локоть, и Ленька, задохнувшись, молча согнулся пополам.

Дуся тихонечко обошел соседа и заколыхался быстрее к

выходу – буйную девицу выводить из себя он больше не от-
важивался.

– Эй! Ты куда?! Нам в машину, – позвала спутница, ви-
дя, как Дуся, резво подпрыгивая, несется к остановке. Тот
послушно развернулся и с той же скоростью припустил в об-
ратную сторону. – Слушай меня, – объясняла девица, когда
машина плавно откатила от дома. – Мне и моему мужу нуж-
на охрана...

Парень на переднем сиденье беспокойно завозился. Си-
дящий рядом с ним шофер только нервно, по-фазаньи, дер-
нул головой.

– Мужа надежные ребята сопровождают, а вот дома у нас
никого нет... Есть, правда, двое, но... Мне понравилось твое
лицо...

Парни впереди еле слышно хрюкнули.

– ...Да, так вот, – продолжала девчонка, сморщившись. –
Мы это дело обсудили и решили: ты будешь какое-то время
моим охранником. Платить будем неплохо, есть-пить у нас
будешь, жить, естественно, тоже... Да, и одеть тебя надо. Ну
это я решу. Меня зовут Ксенией, если интересно.

Дуся уже заметил, что никто не собирается кромсать его
на куски, и позволил себе расслабиться.

– А выходные? Отпуск? И еще – нельзя ли уточнить зара-
боток? – откинулся он на мягкую спинку сиденья.

– Ксения! Позволь, я его с кулаком познакомлю, а? Ну че-
го выеживается, ботаник? – взвинтился парень на переднем

сиденье. – Дай я ему зубы пересчитаю!

Дусик немедленно затих и стал что-то неслышно перека-
тывать во рту.

– Макс! Я тебе говорила: он мне понравился! И все! И
не будем трогать эту тему! – властно прикрикнула девица,
которая назвала себя Ксенией, и парень примолк.

Машина тем временем выехала за город, добралась до
коттеджного поселка и теперь плавно подкатывала к невы-
сокому, но обширному двухэтажному особнячку. У Дусика
дыхание потерялось где-то в животе, и он визгливо заголо-
сил:

– Я не собираюсь охранять такую махину!!! На два этажа
я один!!! Столько квадратов!!! Да сюда воры будут ходить в
две смены!!! Ну на фиг, я не согласен!!!

– Ксения! Дай я ему все-таки зубы пересчитаю! – вскочил
парень.

– Сидеть! – рывкнула Ксения, и парень, точно дрессиро-
ванный кобель, прижал зад к сиденью.

– И чего он до моих зубов докопался? Он у вас что – сто-
матолог? – доверчиво спросил у Ксении Дуся, а потом вели-
кодушно обратился к парню: – Спросите напрямик, чего вы
стесняетесь? У меня во рту ровно двадцать девять зубов, я
уже пересчитал.

– О-о-о! – взвыл парень и толкнул шофера под локоть: –
Слышь, Толян, выгружай меня здесь, я сам дойду, а то у меня
уже растяжение нервов с этим ботаником!

Дом оказался, по мнению Дусика, просто огромным. Правда, он немного успокоился: охранников там было тоже достаточно. Ксения бодро пронеслась по первому этажу, наспех показывая комнаты:

– Это прихожая, это каминная, здесь в бильярд играют...
Зачем ты шар спер?

– На память... – потупился Дуся. – Маме расскажу, она не поверит, а я ей шар на стол!

– Положи на место. Пойдем наверх, я тебя с мужем познакомлю.

Они поднялись по лестнице и оказались в просторной комнате. Спinoй к ним сидел седоватый человек. Почувствовав гостей, он повернулся и с интересом уставился на Дусю.

– Так это он и есть? – спросил он Ксению.

Та кошкой метнулась к мужу на шею и промурлыкала:

– Сырье, конечно, но чего ты хочешь? Санитар роддома.

Мужчина был немного староват для юной Ксении, это Дуся отметил сразу. «Понятно, что она ищет себе охранников по внешности – молоденького захотелось», – довольно усмехнулся Дуся и постарался втянуть живот. Хозяину дома втягивать ничего не требовалось – он был спортивно сложен: из коротких рукавов рубашки торчали круглые мускулы, плечи картинно ширились косой саженью, а кубики пресса на животе просвечивали даже через тонкую ткань.

– Алекс, – протянул он руку и скупно ощерился безупреч-

ными зубами.

– Дуся, – ответил гость.

– Что? Что она опять натворила?! – вдруг взволновался мужчина. – Эти сучки с слюнявыми именами только и делают, что гадят мне в боты, рвут документы и спят в моей постели!

Дуся оглянулся. Кроме Ксении, ни одной дамы, кого бы можно было так назвать, не наблюдалось.

– Это он про кого? – обратился Дуся к хозяйке дома.

Та плавно изогнулась, провела пальчиком по бровям супруга и тягуче разъяснила:

– У нас в доме живет йоркширская терьериха – Дуся. Она гадит в тапки Алекса, грызет его договора и спит вместе со мной на кровати. У мужа на это имя определенная аллергия.

– А, вон что! – обрадовался Дуся. – Вы не пугайтесь – это меня так зовут! А то я думаю: надо же, как он о своей жене... нелестно так – сучка...

– Так... Так это вас Дусей звать? – выпучил глаза Алекс. – С ума сойти...

– Вообще-то я – Евдоким Петрович Филин, но мама меня зовет Дусей, в честь собачки. У нее когда-то была болонка Дуся, и мамочка решила таким образом почтить ее память.

– А папочка? – растерянно спросил Алекс. – Он как к этому отнесся?

Дуся уже чувствовал себя как дома. Он свободно уселся в глубокое кресло и подробно рассказывал свои родовые сек-

реты.

– Кто ж знает?.. Его и не спрашивал никто. С папой мне вообще не повезло.

– Его у вас не было? – предположил Алекс.

– Ага! А я, по-вашему, как червяк, в капусте нашелся, да? Нет, мой папа был...

– Летчик? – предположила Ксения.

– Берите выше – космонавт! – гордо поднял толстый палец Дусик. – Он улетел в космос и больше не вернулся. Он стал звездой...

Дусика так всколыхнула его собственная история, что он даже два раза крякнул, пытаясь не разрыдаться.

– А кто именно, если не секрет, являлся вашим отцом, что-то я не помню космонавта с такой птичьей фамилией? – допытывался Алекс.

– Ай, да разве там разберешь, – беспечно махнул рукой сын космонавта. – Фамилия у нас мамина, а там... мама говорит, что это мог быть и Гагарин, и Николаев, и Титов, и Савицкая... Нет, Савицкую она не говорила.

У Алекса и Ксении глаза становились больше с каждой минутой.

– У вашей матери была такая... необузданная молодость? – наконец проговорил мужчина.

– Ну... что делать! Молодость, гормоны... – стыдясь за матушку, хихикал Дуся.

Алекс наконец немного пришел в себя от сообщений,

уселся на стул возле Дусика и уже спокойнее продолжал:

– Ну хорошо, а какое у вас образование, что вы заканчивали?

– Я? Я закончил восемь классов. А потом мне некогда было образовываться, надо было работать, мама зарабатывала сущие крохи, всегда хотелось кушать, в армию меня не взяли из-за ожирения, и я пошел в роддом. Хотя как-то надо было матери помочь.

– Подождите! – снова не выдержал Алекс. – Но вы сказали, что отец – космонавт, разве он вам не помогал?

– Чем? – горестно заломил руки Дуся. – Чем может помочь нищий космонавт своей семье?

– Позвольте, но у них были сносные заработки!

– Ну и что? – все больше печалился гость. – А эти их постоянные полеты? Вы посчитайте, сколько стоит билет на самолет! Это же одно разорение. А тут ракета! Ну и подумайте, во сколько обходился моему отцу полет, скажем, на Луну! Я вообще подозреваю, что однажды у него просто не хватило денег на обратный билет.

Алекс, точно грач, повертел головой в разные стороны, а потом повернулся к Ксении:

– Так ты точно решила сделать из него охранника?

– Ему уже это не повредит, – вздохнула та, поднялась и потянула Дусю из кабинета.

– Да! – крикнул им вдогонку Алекс. – Запомните, Филин, отныне этой собачьей клички – Дуся – у вас больше нет. Вы

– Евдоким!

Дуся молча возмутился, но перечить не стал (в конце концов, он может просто не отзываться на Евдокима) и поспешил за Ксенией. Она нравилась ему с каждой секундой все больше. Даже мелькнула крамольная мысль: муж у нее старенький уже, а ну как посчастливится девушке оказаться безутешной вдовой? Уж Дуся бы сумел окутать ее нежностью. Девушка показала ему все: и столовую, и ванную, и его собственную комнату. Провела даже на кухню.

На кухне полненькая повариха долго смотрела на Дусика, скосоротив лицо, а потом сокрушенно покачала головой:

– Нет, Ксюша, мы его не прокормим, что хочешь делай.

– Прокормим, – заверила Ксения. – Вы себе представить не можете, Марфа Николаевна, как он мало ест! Ему только с утра кашку геркулесовую, в обед супчику витаминного, вечером одну котлетку...

– ...И на следующее утро я труп, – закончил Дуся.

– Будешь вредничать, станешь трупом гораздо раньше, – беспечно отмахнулась девчонка и потащила его дальше.

Когда часы показывали уже одиннадцать, Дусик наконец остался один в своей новой комнате. Вообще-то его новое обиталище ему нравилось. Во-первых, его поселили прямо в коттедже, а не как остальных охранников в отдельном домике, а во-вторых, его дверь была рядом с кухней. Простыни источали едва уловимый аромат, шторы приятно колыхал ветерок, залетевший из форточки, и вся обстановка дышала

уверенным достатком и покоем. Однако Дуся успокаиваться не торопился. Он плюхнулся в кровать и сосредоточенно почесал живот.

Интересно знать, для чего его сюда приволокли? Охранников здесь как микробов! И все накачанные, натасканные, как сторожевые псы. Для чего же Ксении он, Дуся? Ах, ну да! Она же обмолвилась, что ей понравилось его лицо! Ну что ж, у нее тоже с лицом все в порядке. Дусе нравится. И вообще, у них могли бы быть красивые дети... Не то что у этого старика! Так что же, выходит, он здесь только из-за безумной любви? Или...

Он ворочался с одного бока на другой, нещадно пялил глаза, чтобы не заснуть, и в конце концов в его мозгу обрисовались две подходящие версии. Первая была жуткая и безысходная: вероятно, самозванец Филин с экрана телевизора ляпнул что-то непотребное, и теперь бандиты чего-то хотят от настоящего Евдокима Петровича. Они же не подозревают, что в студии был не Дуся. Вторая версия была более романтической: Ксения встречает на улице Дусю Филина и просто теряет рассудок. А-а-ах!.. Он понял! Она хочет избавиться от своего старого ненавистного супруга, а он, Дуся... должен ей помогать, чтобы потом стать полноправным членом... А может, он должен не помогать, а сам прикончить этого... Алекса? Обалдеть! И тогда весь этот особняк вместе с охранниками и роскошной кухней станет его владением... Нет, Дуся еще не готов никого убивать. И потом, поди-ка

прикончи этого типа! Он же весь – один сплошной бицепс с вкраплениями трицепсов! Решено: пока Дуся поживет здесь, а потом, когда Ксения станет на него наседать, он просто ее пристыдит! Он не собирается ссориться с законом!

Дуся сладко потянулся – как он хорошо все придумал. Конечно, надо было дознаться, что это за идиот выступал вместо него на телевидении, но на это уже не хватало сил: сон навалился на Филина мягкой периной. И сквозь сон ему слышались звуки свадебного марша, только почему-то Мендельсона кто-то наигрывал на балалайке. «Такого не бывает», – успел еще подумать Дуся, но больше он уже ничего не думал.

Утром Марфа Николаевна, бессменный повар этого дома, привычно открыла в кухню дверь ногой и вскрикнула: за разделочным столом восседал новенький охранник и доедал здоровенный кусок окорока, который повариха покупала специально для хозяина и ездила за ним на самый дальний рынок.

– Ах ты ж упырь! – взорвалась женщина негодованием. – Не успел шары продрать, а уже кусок в рот тянешь! У нас завтрак в девять, а сейчас едва восемь минуло! И вообще, Ксюша сказала тебе только геркулес готовить, а ты уже целую лытку употребил!

– Я до девяти высохну от голода! И на геркулесе пусть ваша Ксюша сама сидит, ей все равно: у ней вес воробьиный! А мне как мужчине мясо положено! – обиделся Дуся. – И вообще! Я не могу работать на голодный желудок!

– Да ты и на сытый не больно разбежался работать-то! Выдь отседа! – принялась повариха толкать мясистое тело к выходу.

Тело упиралось – в холодильнике еще имелась целая прорва глазированных сырков, остались нетронутыми фрукты и еще много разной вкуснятины.

– Шагай, шагай! Ишь, расселся!

– Скупердяйка! Отдай сырки! – уворачивался от цепких рук Дусик. – Мой растущий организм требует кальция!

– Иди-ка, известки пожуй!

– Марфа Николаевна, чем это вы занимаетесь? – появилась неожиданно в дверях Ксения.

Раннее утро, а она уже хорошо накрашена, белокурые волосы сияли в аккуратной прическе, и весь вид хозяйки говорил о том, что день начался. Дусик уныло уставился в окно. Он еще лелеял надежду покушать как следует и снова удалиться в кровать – досмотреть парочку снов.

– Что это вы кричите на весь дом? – сурово допытывалась Ксения, глядя на повариху.

– Дак как же... – растерянно разводила та руками. – Ну ить вчерась только для Александра Ивановича съездила окорок купила, а этот троглодит все сожрал! Ну ить так же никаких денег не напасесся! Еж ли б я его не остановила – он бы весь холодильник выел, как та саранча! Нет уж, ты, Ксюша, сегодня же отправь Толика: пусть он мне замок на кухню купит!

Пока повариха, чуть не плача, делилась своими огорчениями, Дусик понуро разглядывал рисунок на обоях. Он так увлекся, что не заметил, с чего все началось. Раздался невероятный грохот, упала какая-то кастрюля, что-то, кажется, еще сыпалось... Визг, писк, маты... Оказывается, Марфа Николаевна матерится как матрос-сверхсрочник!

– Всем стоять!!! – вопил детина в черной шапочке на лице и тыкал пистолетом в висок Ксении.

Ксения находилась в его цепких объятиях и от неожиданности только хлопала глазами. Тут же по кухне прыгал еще один черношапочник, он то и дело заряжал пистолет и поправлял шапку. Видимо, к налету бандиты готовились впопыхах и некоторые мелочи не продумали: через плотную шерсть шапки парню было ничего не видно, снять ее он не решался, поэтому скакал по кухне, натыкаясь на столы и стулья, а для пущей остротки всю размахивал пистолетом.

– Это вы чего творите?! – стала медленно, как плита, накаляться Марфа Николаевна.

– Тетка! К стене! Я сказал – к стене!!! – визжал похититель Ксении. – Каждому, кто сдвинется с места, – три пули в лоб и пять в тушу! Первый! Возьми их на мушку и держи!

Парень, который вслепую носился по кухне, по-видимому назывался Первым, потому что яростно мотнул головой и взял на мушку микроволновку, которая высилась на холодильнике.

– Ты мне только попробуй технику испоганить! – опять

взревела Марфа Николаевна и быком стала надвигаться на Первого.

– Стоять! К стене! – снова завизжал похититель.

Во всей этой заварухе Дусик вообще чувствовал себя лицом посторонним – кто их знает, может, у них в коттедже такая добрая традиция – с самого утра приводить жильцов в боевое состояние духа. Он настолько был уверен, что его это не касается, что даже воспользовался моментом, пока поваришу отвернули к стене, и залез в холодильник – слямзил-таки глазированный сырок.

– Ты! Цистерна с ушами! К стене я сказал! – рывкнул на него нервный бандит.

– Да ничего-ничего, не отвлекайтесь, – успокоил его Дусик. – Я вообще могу выйти.

– Евдоким!!! – не выдержала Ксения. – Вы же мой личный охранник!!! На помощь!!!

Дуся замялся.

– Право, так нехорошо получилось... Я, пожалуй, не смогу у вас трудиться... мне, конечно, все нравится: и кормежка, и комната, но вот эти пережитки профессии... – Он ткнул пальцем в Первого, и тот бойко ухватил Дусика за руку.

Руку ему тут же завернули назад и приставили пистолет, правда, парень в шапочке не видел, где находится висок, поэтому дуло уперлось в живот.

– Постойте, не горячитесь, давайте разберемся, – заволовновался Дуся, не сводя глаз с живота. – Чего вы хотите? Хо-

тите эту девицу забрать? Так забирайте!

Парень, который все еще прижимал Ксению, усмехнулся через шапочку и нагло заявил:

– Мы хотим за нее десять миллионов долларов.

– Да вы чего, ребята, сдурели?! Она и миллиона не стоит! – поперхнулся от нахальства Дусик. – Ну я еще понимаю, там десять-пятнадцать тысяч рублей ее мужик, может, и соберет, а за доллары... Да ему проще новую жену себе завести!

– Гад! – яростно прошипела Ксения, извернувшись и пнула Дусю в седалище.

– Ну так вы забираете или нет?! – возмутился тот. – Хватит уже оружием трясти, вам же сказали: никто деньги давать не собирается. И вообще, освободите помещение!

Парни как-то недобро захрюкали, и один сказал:

– Интересно, а что скажет ее муж, когда мы ему пальчик с руки любимой жены пришлем?

– Ой, – произнесла Марфа Николаевна и стала валиться на пол.

– Стоять!!! – снова взревел парень в шапочке, подбежал к женщине и в тот же миг взвился от боли к потолку. Разъяренная повариха швырнула ему в голову кастрюлю с кипятком.

Второй парень выпустил из объятий Ксению и ринулся к другу на помощь. Видя, что пистолет от живота отцепился, а пареньки в черных шапочках занимаются дамами, Дусик просочился в дверь и быстро направился восвояси – к себе

в комнату, от греха подальше.

– Эй! Откормленный, ты куда?! – окликнул его один из охранников.

– Куда-куда! Там вон, на кухне, на вашу хозяйку напали! Сейчас, наверное, убивать будут. Я вот за пистолетом побежал. Вы не знаете, где можно ружье недорого купить?

Охранники на Дусю даже не взглянули. Они ветром понесли на кухню, по дороге что-то выкрикивая в рацию.

Только прибежав к себе в комнату, Дусик вдруг понял, что он натворил! Работа в роддоме сыграла с ним злую шутку: главврач раз в год обязательно проводил учение «Захват родильного дома». И все медицинские работники, включая старушек санитарок, резво плюхались на пол или заползали в укрытия на радость скучающим беременным. Естественно, что у участников никаких чувств, кроме уныния, такие захваты не вызывали. Теперь же в этом богатом незнакомом доме все было по-настоящему. И он, Дусик, сейчас оставил в беде двух беззащитных женщин! Обалдеть!!! Нет, надо немедленно возвращаться! Освободить Ксению с этой поварихой, в конце концов он мужчина! Да и не один он будет, там наверняка охранники уже поработали...

На кухне Дусю встретила веселая компания: парни из домашней охраны уже куда-то подевали преступников и теперь дружно угощались бутербродами с семгой. Увидев Дусю, присутствующие притихли.

– О, рыбу почуял, – проворчала Марфа Николаевна. –

Чего приперся? Без тебя одолели супостатов. Охранничек! Ксюша! Да выкинь ты его из дома, на кой ляд тебе такой горб сдался?

– Марфа Николаевна! Мы же с вами договорились! – сверкнула глазами Ксения и торжественно вытянула наmani-кюренный ноготь у себя перед носом. – Мы сегодня остались живы! И это главное, потому что самое дорогое у человека – это жизнь!

– Чегой-то твой охранничек не больно дорого твою жизнь оценил, – бурчала повариха. – Всего-то и предложил десять тысяч!

– Да уж... Это, Евдоким, ты продешевил, за меня бы Алекс больше отвалил.

– Так он же не мне отваливать собирался! А кстати, куда вы дели этих... в черных шапочках? Их уже увезли? – выпытывал Дуся. – А чего милиции не видно?

– А зачем нам милиция? – фыркнул один из охранников. – Мы ребяток подрешетили немного и в мусоропровод. Все чисто.

– Ха! Ни хрена себе – чистоплюи! – поперхнулся Дуся и, представив, что за недостойное поведение его тоже могут так – в мусорку, решил ненавязчиво сменить тему. Он даже врубил приемник и эдак беспечно завилял ягодицами: – Ля-ля-ля-ля-ля, а я красавица! Ля-ля-ля-ля-ля, коса до пояса...

Ксения не собиралась менять тему – она сурово выдернула шнур из розетки и прищурила в гневе глаза:

– Я бы попросила не петь, когда в мусоропроводе покойники! И вообще, как надо понимать твое поведение?

– Растерялся я... – просипел Дуся и непроизвольно стянул со стола бутерброд. – Я же ещо не ошвоилша, – проговорил он, шамкая набитым ртом.

– А я верю! – пылко согласилась Ксения. – Верю! Осваивайся, а чтобы процесс пошел быстрее, тебе наши ребятки помогут. Они тебя теперь каждый вечер молотить будут. И Марфа Николаевна в стороне не останется – геркулесом поддерживать станет, чтобы, понимаешь, как конь! Так что дай сюда рыбу!

Ксения выдернула из рук Дусика бутерброд и властно приказала:

– Иди к машине, сейчас мы поедем заниматься твоей внешностью.

– Ксюша!!! – не выдержала повариха. – Ну что можно сделать с его внешностью? Разве что забальзамировать...

Дусик обречено поплелся во двор. Конечно! Они займутся внешностью! От Дуси Филина одни синяки останутся! Будто он не понимает, что имущие люди не прощают наплевательства к своей персоне! Бить, наверное, будут в овраге...

Однако в овраг его не повезли. Ксения и в самом деле решила чуть облагородить его внешность. Сначала они заехали в какой-то салон, где ровными рядками висели пиджаки и брюки и в уютных коробочках нежились рубашки различных оттенков. Он в жизни не носил таких – мамуся всегда поку-

пала ему одежду в магазине «Мелиоратор», там почему-то всегда были только две расцветки: либо крупный горох, либо канареечная клетка – зато цены скромно укладывались в две цифры. А здесь... Дусик старался казаться послушным и приятным, чтобы, не дай бог, Ксения не передумала.

– Девушка! – по-хозяйски крикнула Ксения продавца. – Подберите мне костюм на этого... молодого человека.

Молодой человек блаженно растянул губы в улыбке и даже стал притопывать от нетерпения.

– Та-а-ак, сейчас мы посмотрим... У вас, наверное, размерчик... – запорхала бабочкой возле Дуси девушка и принялась его ощупывать.

Пальцы ее скользили нежно и уверенно, и Дуся даже некоторым образом расслабился.

– Ну, эти спортивные брюки надо снять... – неожиданно хлопнула девушка по карману китайских трико и испуганно отдернула руку.

Под ее ладошкой раздался негромкий хруст, и лицо Дуси окаменело в горе.

В кармане штанов все еще покоилось вареное яйцо, которое Дуся прихватил с собой, уходя из дома. Видимо, матушка поторопилась – продукт был сварен всмятку, и по ногам Дуси Филина потекла яичная жижа, а салон магазина немедленно наполнился неприятным запахом – срок годности яйца явно уже истек.

– Вы мне... вы мне яйцо раздавили... – белыми губами

прошептал Дуся.

— Да что вы... — шепотом пролепетала посеревшая продавец и тихо опустилась на мраморный пол, вульгарно раскидав ноги.

— Ну чт-о-о-о ж такое, — чуть не заплакала от огорчения Ксения. — Ну девушка! Я к вам привела полноценного мужчину, а теперь... Кому он на фиг нужен, с треснутым-то?..

— Я сейчас... мы что-нибудь придумаем... — суетилась девушка, стягивая штаны с Дуси. — Это от вас так пахнет, да? Я понимаю, я понимаю... Сейчас... Если уж совсем никуда не пригодитесь, я все исправлю, я... я сама за вас замуж выйду-у-у, — не удержавшись, заголосила она, кладя на алтарь бизнеса свою молодую загубленную жизнь.

Дуся по-отечески похлопал девушку по голове и успокоил как мог.

— Не надо слез. Я другое яйцо куплю. Это все равно уже протухло.

У обеих дам что-то в горле заклокотало, и Дуся смилился: рассказал бедолагам, что раздавленное куриное яйцо не стоит таких волнений.

После неприятного инцидента костюм Евдокиму подобрали в считанные минуты. Девушка-продавец так стремилась расстаться с этим покупателем, что носилась по салону как наскипидаренная, и Ксения осталась ею довольна. Теперь Дуся был облачен в пиджак болотного цвета, такие же брюки, а шею подпирал ворот новомодной рубашки. Воскли-

цательным знаком выделялся галстук, формой и цветом напоминавший цветок щучий хвост.

– Ксюша, а куда мы едем? – позволил себе фамильярность Дуся в новом костюме.

– К мастеру, в салон. Надо же что-то делать с твоей головой! Это же не прическа, а память о грудничковом детстве! Никак не пойму, что у тебя за вкус?! На кой черт ты отращаешь себе на темечке этот хилый пушок? Не растут волосы, значит, и не надо – стрижка под ноль для тебя идеальный вариант.

Дусик набычился. Он не любил с кем бы то ни было обсуждать свой волосяной покров, даже с любимой девушкой. А Ксения уже становилась любимой, и, ей-богу, это был не самый худший вариант.

У мастера он пробыл недолго, да и чего там задерживаться – машинка управлялась с чубом Дуси на счет «раз». А вот Ксения увязла в салоне надолго: с ее волосами мучились в женском отделении. Дуся уселся в белое кожаное кресло, куда его любезно проводили, с оглушительными звуками хлебал кофе и думал.

Он ничего не понимал. На него только сейчас была истрачена квартальная зарплата какого-нибудь шахтера, а сам он ни копейкой для своей неотразимости не пожертвовал. Платила Ксения. Почему?! Чем он такой замечательный? Сначала его взяли охранником, но когда первая же операция доказала, что глупее ничего невозможно было придумать, его

не выгнали с треском и не закатали в бетон, а придели, подстригли и стали опекать с еще большей нежностью. Неужели Дуся сын Билла Гейтса?! Внебрачный! Да нет, на фига этому магнату понадобилась скромная гардеробщица Олимпиада Петровна, пусть даже в пору своей цветущей молодости! И все же надо окончательно выяснить это недоразумение с отцом. Конечно, Дуся не раз у матери допытывался, кто еще кроме матушки принимал участие в зачатии славного гражданина Евдокима. Олимпиада Петровна в таких случаях спешно одевалась в старый болоньевый плащ, напускала в глаза туману, брала Дусика под руку и спешила на улицу. Они подходили к дому, где белела табличка с названием улицы Гагарина, и матушка с загадочной улыбкой стареющей Джоконды гладила шершавую стену. Если Дусик сомневался и пытался о чем-то спросить, она молча припадала к стене щекой и начинала выть. Может быть, Дусик и уверовал бы в то, что он сын Гагарина, но каждый раз Олимпиада Петровна припадала к домам разных улиц: то Комарова, то Титова, а то и самого Королева, правда, была всегда одинаково. Неизменной также оставалась ее тяга к космонавтике. Хорошо, этот вопрос Дуся поднимет, чего бы это ему ни стоило. А чем еще можно объяснить такое трепетное отношение со стороны Ксении и ее мужа? Надо придумать несколько версий, а потом над ними мыслить, а то, чего доброго, и с ним так же, как с теми, в шапочках... Значит, первая версия – его загадочный отец, а вторая? А вторая – это... Это женское влече-

ние Ксении к Филину Дусе как к мужчине. Недаром же она чуть не растерзала продавца, когда та покусилась на самое сокровенное – на куриное яйцо! Ну, с этой версией ничего делать не надо, она устраивает Дусю, а что может быть еще? А еще – тот чудила, который вместо Дусика вылез на экран. Может такое быть: Ксения с ее оравой перепутали Дусика с тем выскочкой, а тот... а тот им чем-то насолил. Или наоборот – был из их братии, и теперь они его для чего-то пестуют. Да и пусть бы пестовали, но стоит только представить, что они сделают с Евдокимом Филиным, когда выяснится недо-разумение. Решено, Дуся сейчас же расскажет Ксении, что он не тот, за кого они его принимают. Может быть, девчонка смилостивится и не станет отбирать у него покупки?

Когда Ксения появилась в фойе, сверкающая и пахнущая как распустившаяся роза, он уже созрел для откровения.

– Ксения! Я хотел сознаться... – бережно застегивая все пуговицы, надулся Дуся. – Я хочу тебе сказать страшную правду...

– Ты все-таки упер окорок у Марфы Николаевны? – предположила самое страшное Ксения.

– Нет, я...

– Давай сядем в машину, и там ты мне поведаешь, какие такие тайны у тебя завелись, пока я укладывала волосы, – нервно перебила его Ксения и уверенно пошла к машине.

Дусик трусил следом. Он подбирал красивые слова, придумывал позы и вообще – отставал как мог, его все же пуга-

ло объяснение с дамой.

– Ну? Чего там у тебя в мозгах копошится? – неласково спросила Ксения, когда машина тронулась.

Дусик старательно вздохнул, вздох получился совершенно не мужским, с каким-то жалким всхлипом, и выпалил:

– Я не тот!

– Понятно... – не отрывалась взглядом от дороги Ксения. – Ты не тот, а который?

– Понимаешь... В моей судьбе появился странный человек, который перевернул всю мою жизнь! – высокопарно начал Дусик и принял позу мыслителя. – Он прокрался на экран, назвался моим именем и испоганил всю мою карьеру!

– А у тебя была карьера? – вздернула брови Ксения. – Ты собирался стать акушером-гинекологом? И тайно учился в мединституте?

– Я ведь уже говорил: нигде я не учился! И не собирался! А карьера была. Была сахарная мечта – нести Елену Маркушину в ее нелегкий путь!

Ксения остекленевшими глазами уставилась на спутника:

– Куда? Куда ты собрался ее нести?

Елена Маркушина была известной поп-дивой, из вредности судьбы засунутой в сибирскую провинцию. Дива была молода, очаровательна и ни в какой путь не собиралась.

– Куда ты собрался ее нести, несчастье наше? – отошла от шока Ксения, и машина вильнула, потеряв на минуту управление.

– Господи! Ну неужели так трудно догадаться? В роддом, конечно! Должна же она когда-нибудь стать матерью? А наша клиника лучшая в городе! Естественно, я бы ее понес на носилках, она бы мне улыбалась, я бы взял у нее автограф, а потом попросил бы посвятить мне песню. Или альбом! А чего? Женщины в таком состоянии делаются ужасно покладистыми. А потом... Ну потом, само собой, после того, как я бы стал героем альбома, для меня были бы открыты любые двери!

Ксения засопела носом, но от выражений удержалась.

– Так что там с этим странным человеком? – напомнила она.

– Ну я ведь говорю: он срубил мою карьеру прямо-таки на корню! Он наговорил про нашего главного, что тот старый маразматик, что он ворует из детской кухни кефир и ходит при жене неглиже. У нас об этом все знают, но никто ведь не лезет в телевизор! А этот идиот полез! И наговорил пакостей от моего имени! И еще сообщил, что я хочу занять место главного!

– А ты не хочешь?

– Хочу! Меня об этом главный тоже спросил, а потом... Ну, короче, он не согласился. И все из-за этого чертова выпупления!

– Выбрось из головы. Ну выступил и выступил, и чего держась? У тебя теперь другая судьба.

– Да нет! – пылко продолжил Дуся и схватил Ксению за

лацкан пиджака. – Ты же не поняла! Я ведь чего волнуюсь – ты ведь со своим мужем тоже меня не за того принимаешь, наверное, да? Ты думаешь, что я тот, в экране, а я не тот! Ну? Дошло? Я не тот, кто вам нужен, поэтому сейчас поворачивай направо, там такая арка, через нее проезжаешь... Я тебе говорю – направо!!!

Ксения с равнодушием в лице следовала прежним курсом и на вопли Дуси внимания не обращала.

– Мы же договорились, ты работаешь у меня охранником, какое мне дело до чьего-то выступления? И вообще, я сделаю из тебя конфетку.

– Петушка на палочке? – испуганно пролепетал Дуся и сразу же решил проверить следующую версию: – Скажи, Ксения, ты меня любишь?

– Еще нет, но очень, просто безумно стараюсь это сделать! – искренне выдохнула та. – А ты все время мне мешаешь! Все! Приехали, вываливайся. И не забудь: у тебя сейчас тренировка. Так что переодевайся и дуй в спортзал. И, Дуся, я очень тебя прошу: постарайся, чтобы тебя полюбили.

– Да бог с ней, с любовью! Ты мне скажи, во что переодеваться? – вскипел Дуся. Он совсем не хотел расставаться с нарядным костюмом.

– Вон в тех коробках кое-что для тебя. Там, кстати, есть и спортивный костюм, – вздохнула Ксения и выбралась из машины.

Дуся, весело потряхивая пышным задом, понесся кру-

шить коробки. Через полчаса в спортзал ввалился Евдоким Филин в новом спортивном наряде. И штаны, и олимпийка были куплены в самом дорогом магазине, сам по себе костюм смотрелся бы изумительно, если бы в нем не было Дусика. У него было все: и толстенные слоновьи ножки, и животик размером с квасную бочку, и плотненькие валики на боках, и даже целлюлит, который, как утверждают медики, у мужчин встречается крайне редко. И все это богатство не совсем умещалось в высокофирменную одежду, а выпирало и вылезало отовсюду, точно опара.

– Краса-а-авица... – усмехнулся охранник, которого Ксения называла Максом. – Как ты там пел: коса до пояса?

Макс был одет в черную майку и светлые трусы, но даже в таком полураздетом состоянии выглядел явно выигрышнее Дуси. У Макса пузырились мышцы на руках и ногах, и лицо имело мужское, зверское выражение. Охранник не останавливаясь прыгал возле груши и тыкал снаряд круглой боксерской перчаткой. Дуся тоже запрыгал рядом – получалось плохо. Он вроде прыгал сам по себе, а его килограммы – отдельно от хозяина. Тело колыхалось, тряслось и дрожало.

– Хорош скакать, – приказал Макс. – Давай отрабатывать защиту. Закрывайся!

Это было зверство! Дуся и не понимал, что значит – закрывайся. Он, наивный, задрал руки кверху и прикрыл самое слабое место – темечко. И мгновенно в его глазах полыхнул салют – Макс познакомил-таки его с кулаком. Что

было дальше, Дусик не любил вспоминать – охранник отрабатывал удар, а Дуся Евдокимов прилежно служил грушей.

– Хватит!!! – орал он. – Ты что, сдурел?!

– Так я ж говорю – закрывайся! Ты так никогда не научишься. Ставь руки вот так, видишь?

Дусик уже ничего не видел – у него заплыл глаз, распухла щека, а губы напоминали растерзанные сардельки.

– Давай теперь ты меня, – предложил Макс и принялся скакать возле Дуси, закрывая лицо перчатками. – Ну! Смелее!

– Аа-а-а!!! – взревел Дуся утробным басом и ринулся на обидчика всей тушей.

Скачущий Макс не ожидал такого свирепого, самоотверженного броска и был сломлен многопудовой фигурой противника. Раздался глухой стук, будто кто-то скинул с балкона мешок с картошкой, и наступила тишина.

– Ты! Дирижабль! Ты нам парня раздавил! – подлетели к Дусику другие охранники. – Слышь! Ты живот в сторону сдвинь, дай посмотреть, Макс дышит или уже помер?

Макс дышал, но с большим трудом. Пришлось вызвать «Скорую», потом еще объясняться с хозяином, рассказывать, как это могло случиться, что лучший из охранников чуть было не почил под брюхом новичка.

В свою комнату Дуся вернулся уже поздно вечером. Было грустно. Его даже не обрадовал ужин – чахлая половинка цыпленка, запеченная с сыром. Еще бы! Сначала его взбива-

ли как перину, а потом и вовсе получилось неудобно – Дуся чуть не сделался преступником! Если бы мама узнала, что вытворяет ее ребенок, она бы слегла от мигрени. Мама... Дуся ее уже столько дней не видел. Конечно, Ксения сказала, что матушка отбыла к сестре, но Олимпиада Петровна с таким же успехом могла уже нагоститься и вернуться домой.

Больше всего на свете Дуся сейчас хотел бы оказаться на родной кухне, где пахнет свежими мамиными шанежками и горелым молоком. По щеке скатилась прозрачная горошина. Надо просто потихоньку собраться, взять новый костюм, рубашку, спортивную одежду опять же нужно прихватить и сматываться отсюда в марафонском темпе.

Собрался Дусик быстро, по-солдатски, и через десять минут он с узелком под мышкой уже пробирался к выходу. В просторных коридорах было пусто. Дуся уже неслышно подкрался к выходу, когда услышал голоса. Говорили про него.

– Нет, ну этого дебила нам никогда не научить! – возмущался, видимо, Макс. – Если он каждый раз будет на нас своей тушей бросаться, я тебе сразу говорю – мы все перемрем под его требухой.

– А что делать? – спрашивала его Ксения. – Ты понимаешь, мы его ни в коем случае не должны выпускать!

Дальше Дуся не услышал, потому что в ногу ему впилося острое жало.

– Уй-й-й! – взвыл он на все этажи.

– Кто там?! – послышалось за дверью, и Дуся понял, что

его сейчас увидят и, возможно, будут бить.

Получать по расквашенным губам больше не хотелось, и поэтому стремительно заработали ноги. Дуся успел залететь в какую-то комнату и притаиться.

– Никого нет... Толик! Ты никого не слышал? – раздался голос Ксении.

По-видимому, Толик уже сладко спал, потому что его долго звали, кликали, а потом поливали ругательствами. Пока разбирались с нерадивым охранником, Дусик нашел удивительную вещь – сотовый телефон и, не задумываясь, заgrabастал, сунув в карман. Теперь надо бежать. По-доброму его никто отсюда выпускать не собирается, поэтому ждать нечего.

Дуся осторожно, на цыпочках, выбрался из комнаты и нос к носу столкнулся с Ксенией.

– Ага. Не спится, – констатировала она, с интересом поглядывая на узелок. – Опять что-то с кухни спер?

– Знаешь... – захлебнулся негодованием Дуся. – Что это у тебя за жаргон – спер да спер! Я вообще только на минутку вышел – тут кто-то кричал, вот я и высунулся поинтересоваться – может, кому-то плохо сделалось?

– И сидор с собой захватил так, на всякий случай, да? Кстати, а кто кричал? Это, случайно, не ты? – прищурилась Ксения.

– Я, – оплошал Дуся. – Меня в вашем коридоре змея укусила, вот я и пошел домой – все равно я теперь ни на что не

годен. Больничный платить не надо, – щедро позволил он.

– Ну-ка пойдём-пойдём... Змея, говоришь? А откуда в нашем доме змеи?

Ксения затащила Дусю обратно в его комнату и завернула ему штанину.

– Показывай, где?

– Ты чего, слепая? Не видишь, вот лодыжка опухла и вот они, змеиные зубы! – разнервничался Дусик и в изнеможении улегся на кровать. – Отойди, дай хоть умереть спокойно... Говорят, от змеиного яда очень тяжело умирают. Сбегай принеси мне бутылочку шампанского...

Он действительно чувствовал, что умирает. Закатил глаза, безвольно свесил руку, и толстая нога с грохотом рухнула с кровати.

– Жаль, что я так и не успел маме сказать последнее «прости». Ксюша... ты не переживай... я...

– Да я и не переживаю, – задумчиво теребила мочку уха Ксения и покусывала светлую прядь. – Я только не могу понять, неужели она сама к тебе в комнату прокралась? Обычно она обитает только на верхних этажах.

– Так это все-таки змея? – голосом умирающего уточнил Дуся.

– При чем здесь змея?! – раздраженно ответила Ксения. – Нет здесь змей!

– Тогда это меня Марфа Николаевна тяпнула! Смотри: это следы от ее зубов! Она всегда мне жалела продуктов! И вот

так низко решила избавиться от лишнего рта.

На лодыжке и в самом деле был укус от чьих-то маленьких острых зубов. Однако ни змея, ни тем более Марфа Николаевна так не кусались.

– Это... – усмехнулась Ксения. – Не бойся, это... Дуся!!!

Дусик подпрыгнул:

– Дуся!!!

В комнату неслышно вошло мохнатенькое существо, крохотное, но с огромным бантом на голове.

– Познакомься, Евдоким, это наша Дуся – йоркширский терьер.

Дуся-терьер, согнувшись колесиком и далеко под себя поджав зад, боязливо приблизилась к Евдокиму и, когда тот отважился почесать ей за ушком, немедленно ощерилась и куснула ласкателя еще раз...

– Вот! Это она меня хочет загрызть!!! – возопил Дуся. – Завтра же отбываю к себе домой. Могу даже сегодня, если такси вызовете.

И тут Ксения проявила себя во всей красе: она скривила приятное лицо в презрительной гримасе и злобно зашипела:

– Не можешшшшь! Ты не можешь домой! Мы за тебя заплатили! И теперь ты будешь здесь столько, сколько нам понадобится!!!

– Я понял... – голосом кастрата проблеял Евдоким. – Я вам нужен для разборки на органы... Сразу предупреждаю: у меня нет ни одного здорового органа! Сердце барахлит, поч-

ки лопнули, печень еще дома матушка прогрызла... Я провел бурную молодость – пил, курил, употреблял наркотики и непотребных женщин...

– Вот как... – округлились глаза у Ксении. – А ты мне ничего такого не рассказывал... Дюся! Немедленно иди ко мне!

«Она определенно, хочет мной насладиться...» – внутренне содрогнулся Дусик и на четвереньках подполз к молодой женщине. Та все еще смотрела на него ошалелыми глазами, тогда он поднялся во весь рост и ткнулся расквашенными губами ей в плечо.

– Ай-й! Мамочка! – запищала Ксения и отпрыгнула от Дуси к окну. – Не подходи! Выпрыгну! Гад! Шлялся черт-те с кем, а теперь ко мне подкрадываешься?!

– Ты же сама просила, – обиделся пленник, скривился и передразнил: – Дюся, иди ко мне, мой любименький!

– Не ври! Я не говорила «любименький»! Потому что я свою собаку звала! Еще не хватало, чтобы крошка нахваталась от тебя какой-то заразы!

– Да! Я заразный! Отпустите меня домой, а? – жалобно скулил Дюся, но Ксения подхватила собачонку, которая пристраивалась зубами к другой ноге Евдокима, и по стеночке прокралась к двери, а потом и вовсе шустро выскочила из комнаты.

Дюся только слышал, как в двери два раза повернулся ключ. Филин закручинился. Он немного прошелся по ком-

нате, но план побега в его просторной голове так и не созрел, поэтому Евдоким стал аккуратно раздеваться, чтобы зарыться в пышные одеяла и уснуть. И больше ни о чем не размышлять. С глухим стуком из кармана брюк на пол скользнул маленький сотовый телефончик, который он успел свистнуть в темной комнате.

– Вот росомеха! – вежливо ругнул себя Филин. – В этом змеином гнезде никак нельзя быть таким рассеянным.

Он бережно взял в руки телефон – это было как раз то, что ему нужно.

У Евдокима никогда не водилось сотовых телефонов. Но вот на работе у их акушера Шашкина появилась такая игрушка. Он, словно амулет, носил его на шее, подвесив за толстый шнурок, но, как и всякий порядочный врач, во время операций заботливо снимал телефон с шеи и оставлял в ординаторской. Вот тогда-то для работников и начинался «урок связиста». Все кому не лень тискали маленький аппаратик, звонили семье домой, друг другу на разные этажи и даже родственникам в другие города. Шашкин не переставал удивляться: отчего его деньги улетучиваются с космической скоростью? Он менял тарифы, менял компании и два раза сменил телефон, ничего не помогало – сотрудники только с еще большим пылом осваивали новинки прогресса. Больше других возле телефончика крутился Дуся. У него и времени было побольше, и нахальства. Вот поэтому сейчас он не стал с телефоном крутиться как мартышка с очками, а умело на-

жал на кнопки. В трубке раздалась гудка, а потом счастливый голос Олимпиады Петровны сладостно запел:

– Алло, вас слушают.

– Мама! Мамочка, забери меня отсюда! Немедленно! – вскричал Дуся, и чувства забулькали у него в горле.

– Кто это? – удивленно спросила мама. – Я не поняла, вы кто?

– Мама! Хватит уже придуливаться! – обозлился Евдоким. – У тебя что, как у козы – семеро козлят, что ты не понимаешь, кто тебя может звать мамой?!

– Ду-у-усенька, сыно-о-о-чек, как это символично, что ты позвонил именно в этот день! А у меня сегодня помолвка! Ты себе не представляешь, я такая счастливая! Я встретила наконец своего принца! Он прекрасный! И у него есть дача! Вы обязаны с ним познакомиться! Сейчас! Сейчас я дам тебе трубку!

– Мама! Мне бы лучше вживую... – прокричал Дуся, но в трубке уже кто-то басил незнакомым голосом.

– Дульсиной?

– Какой Дульсиной? Я Дуся! Полное имя – Евдоким!

– Не важно. Меня зовут Макар Семенович, я женюсь на твоей маме и буду у вас жить. Если выберешь время – можешь заскочить, мы с тобой пивком отметим это дело.

– Макар... Макар Семенович! Маму позовите! – кричал Дуся, дымясь от негодования.

«Принц» долго раздумывал – позвать или нет, но потом

смилоствился, и в трубке снова раздалось счастливое чирканье:

– Сыночек, я рада, что у тебя все налаживается, вот и у меня, слава богу...

– Мама! Какое к черту «налаживается»! Выслушай меня немедленно! Мне сюда надо срочно вызывать милицию! Меня похитили!

– Зачем? Ты опять кого-то обругал из телевизора? Сыночек, это уже становится недоброй привычкой...

– Мама! Я ничего не натворил! И не знаю, что со мной хотят сделать! – кипел Дуся.

Судьба выронила для него совершенно случайный шанс: он добыл телефон и дозвонился! Теперь ему срочно требовалась помощь, но матушка никак не хотела проникнуться его проблемами. Как-то совсем вяло и безрадостно она поинтересовалась:

– Тебя пытаются?

– Пока нет, но...

– А чего с тобой делают?

– Меня не кормят! – ляпнул первое, что взбрело в голову, Дуся.

– Сыночек, если сказать откровенно, то на твоём жиру может месяц жить семья пенсионеров. Прими это как лечебное голодание.

– Мама! Как ты можешь? Меня...

Телефон зашипел, потом мигнул красненькой лампочкой

и погас.

– Вот идиотство! Какой-то франт приобрел телефон и даже не может вовремя его оплачивать!!! – рассвирепел Дуся, швырнул бесполезный аппарат под подушку и заботливо уложил бренное тело в постель.

В мозгу копошилась неприятная мыслишка: больше помощи ему ждать неоткуда, придется рассчитывать только на себя. А расчет несложный: или он узнает, что этой семейке от него надо, или он не узнает и, возможно, так и погибнет в неведении. Ясно, что люди здесь проживают ответственные – вон как одним махом избавились от бандитов.

Дуся тревожился. Ему бы очень хотелось поверить, что приволокли его только из-за буйной страсти Ксении, но что-то ему подсказывало, что это не совсем так. Он снова поднялся и подошел к квадратному зеркалу, которое блестело в ванной комнате. Зеркальная гладь мигом отразила лик Дуси. Лик не радовал красой. Он подозрительно напоминал молочного поросенка, причем если его рассматривать с хвоста. Глазки и нос где-то утонули в раскормленных щеках, правда, губы расквашенными варениками проглядывали из щек, лоб был до обидного незаметным, а подбородок плавно переливался даже не в шею, а сразу в живот. Даже хилый чубчик вчера состригла парикмахер по настоянию Ксении. Ну и что получилось? Боров Вася с картин для дошкольников! Дуся еще пытался утешиться обзором фигуры, но чем дольше вглядывался в зеркало, тем больше кривилась его физио-

номия. Рядом с головой белели молочные плечи, надо сказать, какие-то прямо женские – ни тебе рельефных мышц, ни загара. Даже волосатости не наблюдалось. Ниже шел торс. Дуся специально назвал туловище таким красивым термином, но привлекательнее от этого его тело не сделалось – ну тесто и тесто! Ниже... Да чего там смотреть! В общем, красавец. И как это Ксению угораздило его выбрать? Нет, вероятно, придется забыть про версию о безумной, сжигающей Ксениной любви. Тогда зачем она с ним нянчится? Вот это и предстоит узнать. А поскольку дома его тоже не сильно заждались, он пробудет здесь, пока все не выяснит. Просто ему ничего другого не остается – если поймают в следующий раз, опять Макс будет отрабатывать удары. С него достаточно.

Глава 2

Резиновый террорист

Утром Евдоким проснулся от того, что кто-то бесстыдно тыкал его в лицо щепкой. Щепка больно царапалась.

– Да вы никак костер собрались разводить?! – вскочил Дуся, бешено дергая носом и припнувшись, не подпалил ли кто-нибудь его драгоценную особу.

– Ха-ха! Вставай! Поехали в лес, – раздался над ухом насмешливый женский голос.

Дуся продрал глаза. По его подушке носилась тетка-собачонка и старалась запрыгнуть на голову, чтобы всласть потоптаться по мягким Дусиным щекам. Дуся даже предположил, что она устраивалась для утреннего туалета.

– Кыш! В моей постели сукам не место! – сбросил он собачонку и уставился на Ксению. – Зачем это в лес? Там сейчас у клещей брачный период, чего на рожон лезть. И потом... Какой лес, я же не завтракал!

– Ничего, – успокоила та. – Я с собой взяла сухой паек. Надо же! А Дуся тебя полюбила! Она никого не любит, кроме меня, а к тебе просится! Смотри, так и лезет на руки! Слушай, Евдоким, ляг, а? Пусть заберется. Неужели она и правда тебя полюбила?

Дуся попыхтел, но необходимо с этой властной девицей

устанавливать тесные контакты, так черт с ней, с собачкой, пусть ползает.

Он, кряхтя, улегся обратно в подушки, и собачонка с радостным повизгиванием ринулась к нему на грудь. «От меня все еще пахнет маминым молоком... – расплылся в улыбке Евдоким и доверчиво зажмурился. – Не в смысле грудным, а тем, которое мама каждое утро мне кипятила. Молоко всегда подгорало, и запах горелого еще не мог выветриться». Однако мерзкое животное не приняховивалось, а покрутилось на широкой мужской груди, потом присело, и Дуся ощутил теплую влагу.

– Дрянь!!! – завизжал он по-пороссячи и гневно швырнул пакостницу с кровати.

Собачка не пострадала – она плюхнулась на руки к хозяйке и уже оттуда разразилась возмущенными воплями.

– Дуся! Дуся, ну успокойся! – неизвестно кого утешала Ксения.

– Я требую денежной компенсации за обос... репутацию!!! – орал Евдоким. – Еще какая-то псина!!!

В комнату вбежал Макс, за ним торопился Толик, и в довершение ко всему появился сам хозяин – Алекс.

– Ксения! Что у вас творится?! – сломал он бровь вороньим крылом. – Почему этот товарищ еще в ночной сорочке? И вообще, кто ему купил эту бабскую одежду?! Почему у мужчин в моем доме такие недвусмысленные одеяния?!

– Алекс! Ну не кричи. Просто мы не додумались купить

ему пижаму, и Марфа Николаевна пожертвовала своей сорочкой, – пыталась успокоить его Ксения. – Тут случилось недоразумение.

– Так это еще и ночнушка бабская?! – визжал Дусик, размахивая одеялом и стягивая подмоченную одежду.

– На кой черт ему вообще ночнушки?! – не собирался утихать хозяин. – Он что, не может как настоящий мужик – в одних трусах спать? Органы боится застудить?

– Конечеченно!!! Чтобы ваша недоразвитая собака прямо на моей груди нужду справляла!!! Фиг!!! – разъярился Дуся, вскочил и топнул изо всех сил тапком. – Пошли все во-о-он!!!

Вид взбешенного Дусика не мог оставить равнодушным никого: лысая голова покраснела, глазки отчетливо выскакивали из щек, трусы угрожающе тряслись и даже ноги истерично дергались. Руки же вообще вытворяли что-то непонятное – они швыряли подушки в кого попало. Попало и Алексу, и он неожиданно развеселился.

– Паника у ботаника! Ребята! Во наш пузырь разошелся! – усмехался он во весь свой неотразимый оскал. Потом спохватился и зычно гаркнул: – Ну чего собрались?! Вам же сказали – вон!

Зрители необычной сцены нехотя потянулись из комнаты. – Одевайся, я жду тебя внизу, – шепнула Ксения Евдокиму, забирая отвратительную терьериху и целуя ее в нос. – Только быстрее.

Последним вышел Алекс. Он еще немного посмотрел на Дусю, чуть высокомерно щелкнул его по брюху резинкой от трусов и, поморщившись, подметил:

– И трусы тебе надо поменять. Сейчас не носят ситцевые в незабудку, а тем более в крупную складку, как эти...

В лесу Дусе не понравилось. Вообще после того шепотка Ксении, когда она ему трепетно сообщила, что ждет его внизу, он решил, что версия про любовь еще не окончательно умерла, и надеялся на романтическое свидание. Романтикой, как оказалось, и не пахло – по поляне носились осточертевшие охранники, что-то мерили шагами и прилаживали к березе белый бумажный круг. Мало того, всякий раз, когда они наталкивались на Дусю, обязательно хмурили брови и заинтересованно уточняли:

– Так, значит, нательное белье Марфы Николаевны вам впору? А я видел у соседского сторожа кальсоны редкостной красоты – нежно-розовые, может, похитить?

Дуся на такие колкости очень обижался и кидался в юмористов шишками и старыми ветками.

– Итак, – наконец объявила Ксения. – Евдоким, это мишень. Сейчас тебя познакомят с оружием, и ты будешь учиться стрелять.

– По-настоящему? – задохнулся от волнения Дуся.

– Да. По-настоящему, только резиновыми пулями.

Потом Ксения долго объясняла, как обращаться с писто-

летом, провела краткий курс техники безопасности, показала, как он действует, и поставила Дусю перед мишенью.

– Ну, давай пробуй, – кивнула она и прижалась к Дусе, показывая, куда смотреть и на что нажимать.

От нее пахло необыкновенно приятно, Дуся даже не знал чем, он вообще знал только «Красную Москву», потому что матушка поливалась ею литрами.

– Ксения! – влез Макс, нарушая уединение. – Да он ни черта не дострелит! Надо поближе мишень!

– Ничего не надо! – властно махнул Дуся ручкой. – Уйди, не мешай!

– Я же говорю – ни фиги не выйдет. Давайте вот сюда перетаским...

– Оставь этот круг в покое... Уйди, говорят тебе!!! Ну прямо лезет и лезет!

Ксения уже подбежала к мишени и стала что-то поправлять. Возвращаться к Дусе она не собиралась.

– Все! Стреляй! – крикнула она.

– Подожди! Ксения, да он не попадет, он же... Ай-й-й!!! Какая сволочь!.. Ты! Брюхатый!.. Уй-юй-юй!!! – визжал Макс и прыгал, точно блоха на сковородке. – Какая скотина ему дала пистолет?! Отберите немедленно!!!

Дусик блаженствовал: оказывается, у него замечательный глазомер – все резиновые пули попали строго по назначению – в сухой джинсовый зад выпендрежного Макса.

А потом началось настоящее мучение. Для охранников.

Ксения бросала все силы на похудение Дусиной фигуры и изощрялась как садистка. Она села в машину, плавно тронулась и крикнула ребятам, бойко скакавшим по поляне:

– Макс! Толик! Я немного отъеду, а вы потихоньку бегите! Надо же Евдокиму как-то вес сгонять. Боюсь, что без экстренных мер мы не справимся. Только не бросайте его и не вздумайте потерять!

Нажав на газ, девица улетучилась, а несчастные парни остались одни.

– Ну! Побежали! – бодро подмигнул Толик и запрыгал на месте, высоко подбрасывая колени.

Дусик честно попробовал бежать. В последний раз он этим занимался, когда в шестом классе за ним гнался дворový кобель Кулебяка. Тогда у него получалось лучше, а сейчас у Евдокима где-то на пятом метре кончилось первое дыхание и, как оказалось, последнее, а ноги отказывались отрываться от земли.

– Ребята... – прохрипел он, – у меня инсульт... помогите...

Ребята с недоверием подбежали и уставились на горе-спортсмена. Выглядел он ужасно: перекошенное лиловое лицо и закатившиеся глаза вселяли ужас.

– Слышь, Толян, а чего с ним делать? – кивнул на страдальца Макс, то и дело почесывая расстрелянные ягодицы.

– Слышь, ты! Куда тебя теперь? Надо бежать... – на всякий случай заботливо носком кроссовки толкнул Дусю То-

лик. – Ты хоть иди, до дому-то надо добираться.

– Я сейчас здесь тихонечко умру, а вы передайте маме, что она еще может получить мою зарплату у этих инквизиторов. Да, и похороны непременно за их счет.

– Не! Макс! Ты глянь: он и вправду помирать пристраивается! Нам Ксения голову оторвет!

– Оторвать не оторвет, но теплого местечка лишиться можем, – задумчиво почесывал больное место Макс. – Эй, ты! Дусик или как тебя там! Вставай, говорю! Хорош могильным холмом валяться! Шевели ногами!

Дусик нервно икал, но на ноги вставать не отваживался.

Перематерив Дусю на сто рядов, а также всех его родственников, парни вцепились в массивное Дусино тело и сумели-таки оторвать его от земли.

– Ну вот... а говорили – не сможете... – ворчливо журил их пострадавший, удобнее располагаясь на крепких дружеских плечах. – Вы по кочкам-то осторожнее, чай, не полено тащите!

– Да лучше бы... полено... – кряхтели охранники и часто семенили ногами.

Под такой тяжестью им было не до диспутов, зато Дуся наслаждался вовсю.

– И часто вы меня на такие пробежки носить будете?.. Макс, чего ты на правую ногу припадаешь, иди ровней!

– Сейчас брошу на хрен! И подыхай! От чего ты там хотел – от инсульта?

Парни мучились минут двадцать, потом больной таки сжалился и ступил на ноги. Он даже несколько метров рискнул пройтись быстрым шагом. В таком бодром движении и застала его Ксения. Глядя на Дусю, она невольно раскрыла рот. В сравнении с обессиленной охраной он выглядел цветущим бутоном. Взглянув же на Макса с Толиком, белокурая красавица только удрученно покачала головой:

– Садитесь.

День настолько измотал начинающего охранника, что к вечеру он уже не чувствовал под собой ног и сразу после скудного ужина (Ксения теперь самолично присутствовала при трапезах и учитывала каждый кусок) побрел к себе в комнату, чтобы до утра ни о чем не думать. Сегодня он даже не успел поразмышлять: какого же рожна с ним носит все это полоумное семейство, включая охранников.

Ночью к нему явилась Офелия. Конечно, это была она, потому что только сумасшедшей придет в голову лазить по подоконнику в прозрачной тунике, учитывая, что на дворе конец апреля. Если не брать во внимание ее умственного недуга, она была прекрасна! Большие глаза, наверняка безумные, волосы цвета сливочного масла, тонкие белые руки – сразу видно, что девушка не кузнецом работает, и голос... Голос нежный, звенящий и немного прокуренный.

– Дорого-о-ой... – мелодично позвала Офелия, с опаской усаживаясь на высокий подоконник. – Я твой сон. Пойдем со мной...

Девушка поднялась и чуть не оступилась. Еле слышно она матюгнулась, но это не испортило очарования.

– Так ты идешь? – плавно махала она руками и призывно улыбалась.

Дусик просто не мог оторваться от видения. Вот плохо, что мамы нет, она бы тоже за него порадовалась, хотя... Она наверняка сейчас радуется совсем по иному поводу!

– Я не поняла, ты чего, еще не проснулся? – нетерпеливо проговорила девушка и уперла руки в бока.

– Я... это... Я не хочу просыпаться... – просипел Дуся. – Мне с тобой интересно... Сама же говоришь: сон!

– А, ну да... – опомнилась безумная и выдала упражнение для танца живота.

Наверняка где-то у себя в Датском королевстве она прошла курсы виляния тазом. Дуся заворуженно наблюдал за ночной гостьей.

– Слушай, я ведь не могу с тобой до утра, ты собирайся и пойдем. Представь: сейчас кто-нибудь постучится, и тебе придется проснуться. А там уж думай – получится у меня еще раз тебе присниться или другие клиенты будут, не угадаешь. Так что давай поторапливайся, – здраво рассудила Офелия.

Дусик поспешно вскочил и, стыдливо прикрывая руками ситцевые трусы (Алекс сказал: они не модные), поспешил нарядиться в костюм.

Офелия сидела на подоконнике, болтала ногами и прику-

ривала неизвестно откуда взявшуюся сигарету.

– Слышь, если думаешь, что мы с тобой на презентацию, – ошибаешься, – честно предупредила она. – Нам тут недалеко, так что ты костюм мог бы и не надевать.

Дуся не спорил. Он только быстрее стал застегивать пуговицы и зашнуровывать ботинки.

– Да иди в тапках, – теряла терпение Офелия. – И вообще, будешь копать – уйду.

Конечно, никуда она не делась, они ушли вместе. Дуся спотыкался о какие-то корни, кирпичи и все же дошел, да здесь и идти было меньше минуты. Наяву он не знал этого места – заброшенная пыльная комната с ажуром паутины, скрипучая древняя кровать, пыль, грязь и холод. В обустроенном коттедже Алекса такой берлоги не было.

– Дорого-ой, – снова низким голосом проговорила Офелия и толкнула Дусю в лоно кровати. – Раздева-а-айся, я вся дрожу-у-у...

– Ну так... понятно... Только... это... если я разденусь, я тоже дрожать начну, – пытался сесть в кровати Дуся. Все-таки жалко было пачкать такой дорогой костюм.

– Ты так и будешь одетым всю ночь? – вытаращилась на него девушка.

– Да ничего-ничего, не стесняйся, – успокаивал ее Дуся. – Показывай, какая там у тебя программа.

Девушка пожала плечами, а потом приказала:

– Давай хоть тебе глаза завяжем, если ты такой упертый.

Нет, это одуреть надо: сидит с бабой и даже пиджак не скинет.

– Я бы попросил вас изъясняться шекспировским языком... Если можно. И еще – сразу хочу вас предупредить: у меня уже в некотором роде имеется любимая девушка (конечно же Ксения, куда от нее денешься), так что не надо мне завязывать глаза, но в остальном... если у вас далеко идущие планы...

– Да! У меня очень далеко идущие планы! Я мечтаю еще присниться тебе, твоему сыну и твоему внуку! Поворачивайся, идиот! Дай хоть руки завяжу!!!

Пока Дуся думал, стоит ли обижаться на сумасшедшую Офелию, она ловко скрутила ему руки за спиной, и объект ее страсти стал беспомощным, как беззубый щенок.

– Милая девушка, а для чего руки-то связывать? – бормотал он.

– Это... для пущей страсти... – пыхтела девушка и напоследок шлепнула ему на рот скотч. – Ну вот, сейчас тебя еще немного перевяжу, чтобы ты не трепыхался, и займемся самым главным.

Руки ее уже скользили по телу и перевязывали сонную жертву, как ветчину, веревками. Дусик непроизвольно втянул живот, чтобы казаться стройнее. Она запеленала его, будто крохотного младенца, старой простыней – хорошо подготовилась, хоть и полоумная. А потом неласково фыркнула и удалилась.

Дусик мычал, но так, не сильно, он слышал, что она шуршит где-то рядом. У Офелии, вероятно, случилось обострение слабоумия, потому что она появилась теперь в каком-то кожаном прикиде, который сплошь состоял из ремней и дырок. Самое неприятное: в ее руках была настоящая плетка. Девушка размахнулась, плетка взвизгнула и опустилась на дрожащую Дусину плоть. Тонкое полотно дорогих брюк не спасло от обжигающей боли. Взреветь во всю силу легких помешал скотч, зато у Евдокима немедленно выскочили глаза из орбит и стали как у того рака – на ножках.

– Дорого-о-ой, я научу тебя любить страдания, – мяукала сумасшедшая и продолжала с остервенением хвостать дорожного плеткой. – Тебе ведь уже нравится, правда?

«Господи! Это что же за извращение такое?! – думал Дуся, покрываясь холодным потом. – Что-то такое я уже где-то читал. Некоторым это даже нравится... Может, надо прислушаться к себе, и мне тоже придется по вкусу? Для начала надо попробовать привыкнуть к боли».

Однако прислушиваться не получалось: с каждым ударом плетки все меньше хотелось к боли привыкать и все больше вызывала раздражение сама Офелия. Может, эта страстная садистка и заперола бы объект своих вожделений насмерть, но чувствовалось, что силы у нее уже на исходе: все ниже взлетала рука, и плетка уже визжала не так весело – Офелия выдохлась.

– Ты еще жив? – пнула она ногой связанного возлюблен-

ного и зашипела в самое ухо: – Поваляйся пока, а потом я приду и перережу тебе твою толстую глотку!

И она вышла. Слышно было, как ее шаги торопливо удалялись от старенькой избушки.

Дуся обиделся до невозможности. Идиотство! Значит, это была не страсть?! Он как дурак кряхтел, терпел, старался мычать негромко, а несколько эротично... так это была не любовь?! Не любовь, не любовь... Она просто связала его и отшлепала по заднице, как сорванца за двойку?! А еще... А еще она обещала вернуться и добраться до его глотки. Кажется, она мечтала ее перерезать! Черт! Так это совсем не сон! А если и сон, то есть вариант наутро не проснуться. Фигушки! Она еще не знает Дусика!

Дуся Филин заелозил на кровати, а потом изо всех сил напруг живот. Нет, иногда большой объем этой части туловища оказывает неоценимую помощь – старые простыни не выдержали натиска массы и затрещали. Дусик повертелся еще немного и снова напругся. После нескольких минут таких упражнений старые тряпки сдались – теперь у него были связаны только руки и залеплен рот. Зато при надобности он мог уже бежать. Опять же, с такими узлами за спиной далеко не убежишь – споткнешься на первой же кочке и фиг поднимешься, будешь на животе качаться как на качелях. Да если еще кто увидит – засмеет. Значит, надо освободить руки. А как это сделать, если ручки коротенькие, а тело большое? В мозгу у Дуси всплывали только совсем неподходящие вари-

анты: то ему припоминалось, как такой же страдалец зажигал огонь и пережигал веревку, то вообще пленник с ловкостью гимнаста перелезал в кольцо из собственных рук, а когда они впереди, их освободить нетрудно, то какому-то счастливику удалось совершенно случайно найти острый как бритва нож, и он терся о него веревкой, как свинья о забор. Ни один из этих способов Дусе не подходил. Он не мог пережечь веревку, так как боялся сгореть со связанными руками. Никому не пришло в голову положить на видное место острый кинжал, чтобы перерезать путы, а уж о том, чтобы пролезть в кольцо из собственных рук, не стоило и думать – некоторые части определенно застрянут. В конце концов, так ничего и не придумав, Дуся выскочил в дверь хибары со связанными руками, благо ночная шалунья оставила ее незапертой, так надеялась на крепость узлов, и огляделся. Это был заброшенный сарай, и находился он на территории соседнего коттеджа. У соседа хоть и было совершенно запущенное хозяйство, но на его огромном участке можно было спрятать пятиэтажный дом. Сарай прятался в тени старых яблонь и в глаза не бросался. Евдокиму все-таки повезло несказанно – со связанными руками, в непотребном виде, он умудрился перебраться на знакомый двор и даже прокрасться к себе в комнату никем не замеченным! Непонятно, почему все двери оказались открытыми, неясно и то, что ни один охранник не попался по дороге. Даже комната Евдокима оказалась незапертой, вероятно, само провидение решило, что ночных

забав на сегодня достаточно. Прошмыгнув к себе, несостоявшийся любовник перевел дух. Он все еще был со связанными руками и с залепленным ртом, но чувствовал себя значительно уверенней. Лучше всего веревку можно было разрезать ножницами. И они у него в комнате были, но только кто будет стричь? Дуся и так пробовал и эдак – никак не получалось. Тогда он изловчился, просунул лезвие ножниц в веревку и ухватил одной рукой ножницы за кольцо, потом подошел к стене и надавил на другое кольцо. Веревка заскрипела. Пот заливал глаза, дышалось жутко неудобно, кожу лица стягивала липкая лента, но Дуся крепился и только сильнее скрежетал зубами. Наконец – о чудо! – веревка сдалась! Тотчас же Дуся сорвал скотч.

– Мать вашу!!! Чтобы я еще когда-нибудь смотрел эротические сны! – смачно ругался он, растирая затекшие руки.

Скинув костюм, Дуся заспешил в душ. Теплые струи, может, и смыли бы неприятные воспоминания, но смыть красные рубцы на истерзанном седалище они не могли. Офелия, хоть и быстро выдохлась, многого добилась: весь сметанно-белый зад был украшен багровыми полосами. От воды становилось еще больнее, но Дуся терпел, только выворачивал голову, чтобы лишний раз поглазеть на безобразие. Он вышел в халате, с каплями воды на теле и чуть-чуть посвежевший. Можно, конечно, поднять шумиху и отыскать дерзкую извращенку, но было совестно. И чего, в самом деле, он как дурень за ней поплелся? Вот Алекс бы точно на такую

уду не поймался.

Дуся бесшумно закрыл окно – в комнате было уже морозно – и с огромным счастьем уместился в кровать. В кровати пришлось немного повозиться – никак не получалось лечь на спину, больно было, но вскоре утомонился и только собрался отойти ко сну, как ему послышалось возле дверей осторожное шуршание...

Позабыв про боль, Дуся вскочил. Тело невыносимо ныло, но жить хотелось, поэтому он на цыпочках прокрался к двери и затаился. Кто-то за дверью тоже замер, видимо, прислушивался. Неожиданно раздались шаги, и громкий голос Алекса спросил:

– Ксения! Чем ты здесь занимаешься?

– Я... я мимо проходила... мне показалось, что дверь открыта...

– А что, Евдоким сам закрыть не может?

– Я не знаю... Я думаю, может, он вышел?..

– Немедленно ложись спать! И чтобы я тебя здесь больше не видел в такое время! – разгневался Алекс, и было слышно, как он удаляется вместе с женой.

Дуся перевел дух.

– Вот старый лось! Так и бдит за девчонкой! А ведь девчонка только-только отважилась...

Больше ни о чем размышлять он не мог – умственные упражнения отнимали всегда у Филина много сил, а на сегодня все силы уже иссякли.

Утром Евдокима никто не будил. Это было странно. Обычно его держали в строгом режиме и никогда не позволяли выспаться. Дуся снова прикрыл глаза, ему сегодня приснился препаршивый сон, надо будет позвонить маме, пусть она спросит у соседки тети Мани, к чему снится, когда красивая девушка хвощет тебя по пикантному месту. Ах, да! Это значит, та самая девушка жаждет прибиться, встретиться, значит, хочет. Дуся сладко потянулся, и тут же истерзанный зад острой болью заявил, что это был вовсе никакой не сон, а наглая девица на самом деле надругалась над честью и достоинством Евдокима Филина.

– Вот дрянь... – вскрикнул Евдоким и попытался обзреть болящее место.

Не получилось. Дуся плюхнулся лицом в подушки и тихонько заскулил. Надо искать девчонку. Найти и привлечь к ответу. В чем это будет выражаться, Дуся еще не придумал, но отыскать мучительницу надо было в течение дня. Мерзавка же что-то говорила по поводу его, Дусиной шеи! Евдоким сосредоточился. Он так напрягся, что лицо его покраснело, а на шее отчетливо проступили жилы. Со стороны можно было подумать, что мужчину долгое время не пускают во двор по большой нужде. Ничего подобного, просто у Дуси с таким скрипом протекал мыслительный процесс. Зато кое-какие мысли заглянули в его просторную голову. Он вдруг вспомнил: всех преступников неудержимо влечет

на место преступления. А он, Дуся, даже еще как следует это место и не осмотрел! А вдруг Офелия оставила там свою записную книжку? Или, еще лучше, паспорт? И потом, она непременно должна еще раз навестить Филина, она же соби-ралась его убить! А если так, то ей надо за ним следить, узна-вать его режим или график работы, он же все-таки числит-ся охранником. Нет, определенно надо вставать. Вставать и идти к соседскому сараю.

Дуся перевернулся на четвереньки и осторожно сполз с кровати. Так же осторожно он оделся и вышел на улицу. Где-то слышались голоса, раздавался звук телевизора, в откры-тое окно было слышно, как Алекс распекал кого-то из при-слуги, но во дворе было пустынно. Дуся быстро доковылял до забора, перебрался через дыру в соседской ограде, ко-роткими перебежками донесся до сарая и затих. Кто знает, может, эта сумасшедшая Офелия уже поджидает его возле пыльной кровати, чтобы перерезать глотку? В сарае было ти-хо. Лучики солнца пыльной дорожкой пробивались сквозь щели, и сегодня грязь была еще больше видна. Вот здесь он лежал, на этом грязном покрывале, а в той комнате Офе-лия переодевалась... Кстати, здесь валяется какая-то ажур-ная тряпка, наверняка она впопыхах оставила.

Дуся брезгливо сморщился и приподнял двумя пальчика-ми вещицу.

– Ф-фу, какая мерзость! – оттопырил он губу.

На самом деле это была не такая уж мерзость. Каждая

женщина сказала бы совершенно определенно, что это вещь в простонародье зовется лифчиком и стоит за пределами тысячи – такие тонкие здесь были кружева.

– Мерзость, – еще раз повторил Дуся и бережно затолкал вещь себе в карман.

Больше никаких следов после себя девица не оставила. Дуся перерыл все – улики не было.

– Интересно, а как я свою мучительницу искать буду? Если верить сказкам, надо, как Золушке, каждой женщине королевства примерять... В данном случае – лифчик, – бормотал Дуся, пламенея от застенчивости.

Покрутившись еще парочку минут, он решил обследовать местность. Ну правда, а вдруг девица прибыла на машине, и на прекрасных газонах особняка останутся глубокие следы от протекторов?! Что с ними он будет делать, со следами, Дуся старался не думать. Точно так же он старался не думать о том, что будет, если его застукает хозяин участка. Это были такие пустяки, что о них Филин просто забыл. С неведомой доселе аккуратностью он пересмотрел каждый кустик на участке неведомого соседа и, ничего не обнаружив, поспешил во двор Алекса.

Он с трудом переваливался по знакомой аллее и думал – уже в четвертый раз за день. Сегодня выпал тяжелый день: с самого утра Филин Дуся только и делал, что размышлял. Ну, во-первых, отчего Офелия выбрала именно его? Ну, в общем-то, это не вопрос: в последнее время девушки из выше-

го общества (!) все чаще стали интересоваться Дусей, взять хотя бы ту же самую белокурую Ксению. Вопрос в другом: отчего эта ночная сумасшедшая девица, которую он сразу назвал Офелией, накинулась на него с плеткой? Если она действительно хотела чего-то волнительного, отчего тогда ушла? Он же все вытерпел как настоящий мужчина! Если же не волнительного, то получается и вовсе детский сад – взять и отхлестать взрослого мужчину! А! Может, это кто-то из бывших рожениц? Бывало случалось, что Дуся нес какую-нибудь дамочку из операционной и у него опускались руки, вместе с дамочкой, разумеется. Помнится, женщины его даже колотили больничными полотенцами, но чтобы так продуманно... Нет, здесь что-то другое. И почему его хотели убить? Вообще, что творится в судьбе Дуси Филина?! После выступления неизвестного пустобреха жизнь понеслась по новому, неведомому руслу. Ксения со своим мужем, теперь вот Офелия или как ее? Совсем развинтилась девка – крови ей подавай!

– Ду... ся? Евдоким?.. – навстречу Евдокиму по аллее шел белый как простокваша Алекс. – Дуся, вы... живы?!

– Здра-а-авствуйте, – скривился Евдоким. – А вы как думаете?

– Да... да, конечно, ты жив...

Алекс вел себя подозрительно. Он все больше покрывался бледностью, а когда бледнеть уже было некуда, начал расцветать сиреневыми пятнами. Потом... у него бегали зрачки,

руки тряслись и явно мешали хозяину, дыхание было частым до неприличия. Его странное состояние сразу бросалось в глаза. Решив не упускать тот редкий миг, когда хозяин не в себе и не совсем ведаёт, что творит, Дуся Филин не сплхохвал и задал самый каверзный вопрос:

– Когда у меня получка, все собираюсь вас спросить?

– Получка? Ах да! Вы же у нас охранник... А сколько вам надо? – проговорил Алекс, размышляя о чём-то о своем.

– Да немало, прямо скажу! У меня ни копейки нет! – продолжал наезжать охранничек и в пылу возмущения стал выворачивать карманы, чтобы хозяин воочию убедился, насколько нищ его сотрудник. – Вы сами видите, в чем я хожу!

Из вывернутого кармана к ногам Алекса немедленно выпал лифчик Офелии. Алекс с ужасом уставился на Дусю.

– Вы... Это вы носите?

Дуся мгновенно подобрал улику, но было уже поздно: Алекс всерьёз решил, что эта деталь принадлежит его работнику. Потом с ним вообще стало твориться нечто непонятное. Он отступил, потом резко повернулся, и ноги его замелькали, точно спицы.

– Эй! А деньги?! – крикнул Дуся вслед удаляющемуся Алексу.

– Да... деньги... – притормозил тот и нервно вытащил из кармана тугой бумажник. – Вот, возьмите сколько надо...

Евдоким не знал, сколько ему надо, но денег даже на первый взгляд оказалось слишком много.

– Подождите! Ну куда же вы?! Я столько ни в жисть не заработаю!!! – закричал Дуся вслед убегающему Алексу.

Он даже пытался его догнать, но у Алекса были длинные ноги и сильные, круглые мышцы, поэтому он бежал по аллее легко и быстро, как страус.

– Ну и черт с тобой! Вечером верну, что останется, – радостно пробурчал Дуся и тут же оговорился: – Только сначала заплачу благотворительный взнос в фонд анонимных филантропов.

Денег было много, и надо было немедленно потратить их на нужды. Нужд у Дуси было несколько. Надо было как следует наесться, съездить к матери, конечно же, с подарками, и кое-что спустить так, по мелочам.

Дуся вернулся к себе в комнату, вытащил злополучную улику и сунул ее под подушку, вырядился в свой парадный костюм, надел сверху модную куртку, которую ему тоже купила Ксения, и направился к гаражу.

В гараже, возле джипа, крутился Толик с тряпкой и готовил машину для поездки с шефом.

– Толян! Добрось-ка меня до города. Улица Кольцевая, дом шестнадцать, – распорядился Дуся, выпячивая вперед грудь в новом галстуке.

– Да хоть сто шестьдесят седьмая! Никуда я тебя не собираюсь добрасывать! – рыкнул Толик, даже не повернув головы. – Ослеп, что ли? Не видишь, сейчас с Александром Ива-

нычем собираемся.

– А я говорю – добрось, – медленно, по слогам повторил Дуся. – Звони давай своему Алексу, если мне не веришь, он тебе велит то же самое сделать. И вообще – чего упираешься?

Толик немного помялся, потом неуверенно взглянул на Филина.

– Точно Алекс сказал тебя отвезти?

– Звони, сам спрашивай. Только я тебе сразу скажу – он тебя не похвалит!

После такой обнадеживающей фразы Толик откинул тряпку и прилежно запрыгнул за руль. Потом снова выпрыгнул, на всякий случай открыл перед Дусей дверцу и даже стал его слегка подталкивать в салон. После ночных экзекуций любое телодвижение давалось Дусику с трудом. Он засунул сначала голову, потом понемногу начал на коленках продвигаться по сиденью. Толик торопился. Он не стал наблюдать за плавными продвижениями сотоварища, а по-простецки наподдал ему коленом под зад, и Дусик влетел в салон соколом.

– Так куда, говоришь, едем? – весело спросил шофер, когда машина миновала забор.

– На Кольцевую... – кряхтел Дуся, не рискуя слишком явно морщиться: парень ни о чем не должен был догадаться, не дай бог, дойдет до ушей Макса – со свету сживут насмешками.

В салоне играла музыка, в кармане лежал бумажник Алекса, и жизнь блестела новым медяком.

– Ты меня не понял, я же пошутила, я же на минутку уходила... – оправдывалась перед Дусей известная певица.

– Знаю я ваши шуточки, – хмыкнул Толик и тут же вытаращил глаза от старания – зазвонил мобильник и на табло высветился номер Алекса. – Да, Александр Иванович!.. Как вы и приказали – везу нашего идиота... простите, Дусю, на Кольцевую... а он сказал, что приказали... а он сказал... а я... значит, это я идиот, а он меня везет... хорошо... я... ну... Вот зараза! Шеф трубку бросил! – со злостью выругался водитель. – Слышь, ты! Какого черта ты мне наврал, что Алекс велел тебя везти на Кольцевую?! Он вообще об этом слыхом не слыхивал – стоит перед гаражом, ждет машину, у него там какая-то встреча срывается! Ты знаешь, что мне будет, когда приедем?!

– Я тебе сразу об этом и говорил – по головке не погладит. Я, между прочим, честно предупредил, – равнодушно ответил Дуся и, закатив глаза, страстно завыл: – «Не обижайте любимых упре-е-еками-и-и...»

Толик дымился от злости, но уверенно гнал по названному адресу – на Кольцевую. Это могло означать только одно: шеф приказал ему довезти Дусю до места даже несмотря на то, что у него срывается какая-то встреча. И денег сегодня отвалил целую кучу. С чего бы такая любовь? Может, Евдоким Филин и не стал бы ломать голову, если бы не случайно

оброненная Алексом фраза «Ты еще жив?». Странно, чего это они с Офелией, сговорились, что ли? Та что-то про шею шипела, этот каркает. Может, плюнуть на все да и остаться дома? Деньги есть, вон их, полный бумажник. Страшновато, вдруг Алекс скажет, что он украл их, и к Дусе домой заявится целая бригада Толиков?.. Ну да ладно, там видно будет.

Машина остановилась у самого подъезда Филиных.

– Все, выгружайся, – буркнул Толик, и Дуся вылез.

В кармане были деньги, на Дусе сидел новый костюм, а в руках не было даже самой затрапезной коробочки конфет для любимой матушки! Дуся подождал, пока джип отъедет, и потрусил к ближайшему магазину.

Нагрузившись сумками и пакетами, он вошел в подъезд, будто Дед Мороз.

– Кто там? – запел за дверью знакомый голос, едва Дуся прикоснулся к кнопке звонка.

– Не бойся, мама, свои.

Мама еще немного подумала: открывать ли своим в такое беспокойное время, но потом все же отважилась, и в узенькой щелочке показалось ее остроносое лицо.

– Дусик? А ты что тут делаешь? – округлились родные глаза.

– Мама! Дапусти меня сначала, у меня сейчас руки отвиснут!

– Так заходи, заходи, чего ты на площадке мнешься? – засуетилась мать и ухватила обеими руками за пакеты.

– И кого черт принес, Липистинья?! – взревел незнакомый бас из комнаты.

– Так это... это сынок мой пришел, в амнистию... нет, в увольнительную, так, Дуся? – объясняла мать, таща сумки на кухню. – Макар! Ты посмотри, чем нас сынок решил порадовать?!

Дуся не спеша скинул куртку и важно прошествовал на кухню.

– О-ой! Сыночек... – наконец разглядела мать сына. – Это кто ж тебе чуб повыдергивал? А мне нравится... Нет, чего не говори, а ты сейчас прямо мужчиной кажешься.

– Да чего уж... – делано засмушался Дуся, опустил глаза и дико взвыл от неожиданной боли.

Новый папаша, войдя в кухню и увидев продуктовое великолепие, одобрительно, от души шлепнул мальчика по задку. Если учесть, что рука у Макара Семеновича была что экскаваторный ковш, а нежное место Дуси еще не отошло от побоев, то можно было понять, какими глазами уставился сыночек на нового маминого друга.

– Вот... – засмушалась, как деревенская невеста, Олимпиада Петровна. – Познакомься, Дусик, это Макар Семенович.

Не встретив со стороны сына восторга, она принялась восхищенно закатывать глаза, прикладывая руку к сердцу и беспрерывно тараторить:

– Дуся! Ты не представляешь! Это мужчина всей моей

жизни! Это о нем я грезила все свои молодые ночи! Он и только он может стать тебе настоящим отцом!

Мужчина всей жизни уже проверил пакеты, не обнаружил там пива и откровенно заскучал. Чтобы хоть как-то поднять себе настроение, он торопливо открыл ножичком баночку икры и, пока Олимпиада закатывала глаза, ложкой выгребал соленое лакомство. Замечание об отцовстве немного привело его в ступор, но потом он понял, что это не более чем литературное выражение, и стал работать ложкой быстрее.

– Вот, взглядишь в него, Дуся! – торжественно вещала Олимпиада Петровна и тыкала в Макара Семеновича сухим скрюченным пальцем. – Только его ты можешь смело звать папой! Он нашел меня!

– А кто он такой? – разглядывал едока Дуся. – Я не могу узнать его без скафандра: Титов? Гагарин? Николаев?

– Ах, оставь! – прервала его мать. – Ты же понимаешь, у каждого космонавта давным-давно своя благополучная семья, кому я нужна, да еще с тобой вместе. Не надо таких высоких регалий, Макар – это простой среднестатистический принц.

Мама была счастлива, это было видно с первого взгляда. Она порхала возле сына, а глаза то и дело останавливались на драгоценном супруге.

– Ты только подумай – скоро у нас регистрация! – тихонько взвизгивала она, делаясь с сыном новостями.

Дусик вместе с матушкой хлопотал на кухне, готовя

праздничный стол, а Макар Семенович побрел в магазин докупать спиртное – Дусик не додумался.

– Я буду носить его фамилию. Теперь я буду не Филина, а Редькина! – радостно светилась матушка. – Представляешь, он зовет меня Липистинья! Правда, мило?

Дусик поморщился. Еще бы не мило! Помнится, совсем недавно матушка высыпала килограмм муки на мохеровую кофту соседки только за то, что та ее именно так и назвала – Липистинья. «Ты можешь свинью Хавронью так называть, а у меня спортивное имя!» А сейчас... Да, матушка сейчас сильно изменилась. Никого, кроме своего Макара, и замечать не хочет! Ясно, теперь не дождешься теплого молока на ночь, не будет маменька продираться в ванну, чтобы помыть ему голову, и не станет каждый раз напоминать, чтобы он почище мыл уши. А ведь он так хотел остаться дома... Нос у Дуси предательски расквасился, губы расплылись и стали в три раза больше, а глаза покрылись прозрачной пеленой.

– Что? Солнышко мое, я тебя понимаю: ты хочешь посидеть с нами, но никак не можешь? Тебя зовет долг? Я не стану тебя держать! Иди, мой сын!

– Мам! Ну что ты выпихиваешь меня? Никому я ничего не должен! И вообще – я остаюсь...

– Очень жаль, малыш, очень жаль, – скороговоркой отчеканила матушка. – Но ты и в самом деле не можешь остаться – за тебя заплатили. Правда, ничтожно малую сумму, но, честно сказать, такую сумму ты зарабатываешь за год, а я, в

свою очередь...

– Мама! Что значит – заплатили?! – взревел Дуся. – Ты меня продала?!

– Да нет же! Ну кто тебя купит?! Я просто подписала годового контракт на твою работу! – выкрикивала мать, затапливая в холодильник сервелат, привезенный сыном. – И вижу, что не ошиблась! Ты никогда домой столько...

– Мама! А если меня там убьют?! Прирежут?!

– Да что ты, рождественский гусь, что ли, чтобы тебя полгода кормить, а потом резать?! Не мели ерунды!

– Нет, ты мне скажи, кому...

Пылкую речь Дуси прервал телефонный звонок.

– Алло! Вам Дусю? А кто его спрашивает? – всю жеманилась Олимпиада Петровна по телефону. Поговорив еще парочку минут, она протянула трубку Дусе: – Сынок, тебя какая-то милая особа. Она сообщила, что в данный момент обеспокоена...

– Мама, ну давай же телефон, она сейчас сама все скажет! – нервно выхватил трубку Дуся. – Алло! Евдоким у аппарата!

– Евдоким! Это Ксения! Немедленно... Слышишь? Немедленно езжай сюда! На меня напали! Я не могу одна с ними справиться!

– Но я...

– Я ничего не хочу слышать! Ты хочешь, чтобы меня убили?! Торопись! Иначе моя гибель будет на твоей совести!

Собирайся и выходи! Сейчас я за тобой Толика отправлю!

Не успел Дуся еще ничего сообразить, а трубка уже пищала в ухо короткими шаловливыми гудками.

– Дуся! Немедленно расскажи маме, что это за девочка? – прежним тоном заботливой родительницы вопрошала мать, сцепив руки на груди.

– Мама. Прости. Я не могу оставаться дольше. – Дуся был сух и непреклонен, как телеграфный столб.

Под окном уже сигналила машина, и Дуся заторопился – скорее всего, это Толик приехал за ним.

– Мама, я не могу задерживаться, мне сигналят, – поджал сын губы.

Мать немедленно подлетела к окну и разочарованно загнусавила:

– У-у-у, тебя на инвалидке возят...

Дусик тоже прилип к окну. И в самом деле – во дворе стояла маленькая светленькая инвалидка и бasila иномарочным сигналом.

Толик подъехал только минут через пятнадцать. Евдоким сложил в пакет кое-что из самого необходимого: старенький магнитофон, книгу кулинарных рецептов и коллекцию гусениц, – напыщенно влез в куртку и клюнул матушку в темечко.

– Мне пора, мама.

– Дуся! Ты не можешь сейчас вот так уехать! – вцепилась капканом в сына Олимпиада Петровна. – Это не гуманно по

отношению ко мне! Макар Семенович так и не увидит, на какой машине разъезжает мой сын! Вели своему водителю, чтобы он обождал.

– Мама! Ты же знаешь, у меня работа! – напустил в глаза усталости сын и громко вздохнул.

– Нет-нет! Макар Семенович должен видеть!

От матери удалось вырваться с большим трудом. У нее в руках даже осталась пуговица от куртки, но Дуся почему-то не хотел демонстрировать Макару Семеновичу свое положение. И еще он видел: здесь уже есть другой хозяин, вон с какой легкостью матушка от него избавилась! А он... что ж, он тоже нужен кому-то, он нужен Ксении.

И все-таки с Макаром Семеновичем они встретились. Дуся как раз осторожно садился в машину, когда услышал позади себя довольный окрик.

– Ну чего? Стало быть, уезжаешь? – весело спросил новоиспеченный родственник и огрел пасынка растопыренной пятерней пониже спины.

Дуся, хоть и крикнул от боли, зато посадка прошла в ускоренном темпе.

– Вы, Макар Семенович, все время путаете! – оскорбленно, со слезами в голосе, прокричал Дуся уже из салона. – Когда здороваются или прощаются, руку к руке прикладывают, а не к заднице!

Доехали они быстро. Едва машина влетела в распахнутые

ворота, как наперерез ей кинулась раскрасневшаяся и взволнованная Ксения.

– Дуся! Евдоким! – кричала она, чуть не бросаясь под колеса. – Ну почему ты так тащился?! Преступник уже успел смыться! Нет! Я не переживу! Он все равно меня убьет, я знаю! Зачем ты только уезжал?!

Ксения прижалась к Евдокимовой куртке и тут же измазала ее в помаде и туши. Рядом скакала крохотная собачка и пыталась повиснуть зубами на брючине Филина. Тот незаметно дрыгал ногой, сбрасывая прищепку, а сам довольно поглаживал золотые волосы хозяйки дома.

– Вот, испортила тебе куртку, – отлепилась она от него. – А ведь тушь покупала в фирменном салоне. Подделка. Теперь придется тебе новую покупать.

– Да не надо мне новую куртку, – блаженно улыбался Дусик и все сильнее гладил Ксению по уложенной прическе, у девушки волосы медленно теряли объем и все больше прилипали ко лбу. – Мне лучше пальто... черное и длинное.

Разговор о пальто благополучно был Ксенией забыт, потому что она захлеб рассказывала, как на нее напал маньяк в собственном доме.

– Ты представляешь, Евдоким, лежу я в кровати...

– Ксения! Ну какая кровать? – перебил Макс. – Ты же по аллее гуляла.

– А, ну да! Вот представь! Иду я по аллее, с Дусенькой прогуливаюсь ...а кстати, где Дуся? Дуся! – тут же переключился

чилась она на свою любимицу.

Собачонка немедленно оторвалась от брючины, придала мордашке самое ангельское выражение, и Ксения уже спокойно продолжала дальше:

– Иду, значит, никого не трогаю. Даже не пристаю ни к кому. И тут из-за кустов ка-а-ак выпрыгнет мужик!

– Подожди, точно мужик? Может, это женщина была? – уточнил Дуся.

Он уже для себя решил, что нападение на Ксению – это дело рук безумной Офелии.

– Может, ты не разглядела? Может, все-таки женщина? Такая безумная, немножечко влюбленная в меня...

– Ты чего – издеваешься? На кой черт я женщине сдаюсь? – вытаращила круглые глаза Ксения. – Я же тебе говорю: это маньяк был! Он хотел мной овладеть, а я не согласилась. Вот он и давай меня по саду гонять.

– А где же Макс с Толиком были? – сурово уставился на охранников Дуся.

– Ну как где? Толик с тобой уезжал, а Макс спал, наверное... Макс! Чего молчишь? Где был?! – накинулась на парня Ксения. – Чем занимался, пока меня маньяк по всем кочкам гонял?!

– Не, ну интересная вы такая, Ксения! – захлебнулся справедливым негодованием Макс. – Вы в график-то посмотрите! Сегодня, между прочим, не моя смена! Сегодня Витя вас охраняет. А у него бабушка заболела, он еще на той неделе

отпрашивался. Вы чего, не помните? Он же вам при мне говорил: «Ксения, у меня в следующий вторник бабушка заболела. Можно, я подежурю у ее больничной постели?» Вы сами ему разрешили!

Ксения только еще раз вздохнула и виновато уставилась на Дусю.

– Ну вот, я и оказалась незащищенной.

– Не волнуйся, дорогая, я найду негодяя... – выдал Дуся неожиданно для самого себя. – А что же Алекс? Он тебя оставил один на один с маньяком?

Ксения снова закручинилась:

– Дуся, не рви ты мне сердце! Ну какой из Алекса защитник. Он же так... только видимость... Накачанный всякой ерундой, а настоящей силы мужской как не было, так и нет. Дуся, – она махнула рукой, а потом, не стесняясь охранников, наплевав на супружескую верность, приникла к самому лицу Дуси и, икнув, тихо спросила: – Ты же найдешь преступника, правда?

Еще бы не правда! Да он за эти глаза найдет всех преступников на свете! Им не уйти! Не спрятаться!

Сердце у Дуси пело, однако надо было хоть сделать вид, что уже прямо сейчас озабочен поимкой мерзавца.

– Ксения, я сейчас к себе в комнату – мне подумать надо, я, пожалуй, выйду только к обеду, – пафосно заявил он.

– Обед, кстати, у нас уже прошел, разве что к ужину, – напомнил Толик.

Но Дусю не так-то легко было сбить с мысли:

– Толик! Что значит – у вас уже прошел?! А я еще не ел! Не обедал! А я не могу искать преступников на голодный желудок! И нечего на мне экономить!

– Дуся, ну не волнуйся. Ну сейчас я все улажу... – ласково лепетала Ксения непонятно кому: то ли своей собачке, которая уже нагулялась и теперь тряслась от холода возле ног хозяйки, то ли Евдокиму, который трясся от возмущения. – Дусенька, иди к нам, – каким-то совсем интимным шепотом продолжала напуганная девушка.

Она быстро наклонилась, взяла собачонку и прижала ее к груди Филина, впрочем, и к своей тоже, потому что все никак не могла оторваться от надежного живота Евдокима. Собачонка, пакость такая, скоренько перебралась за ворот куртки тезки и пригрелась. Евдоким даже умилился и звучно чмокнул крохотную мордочку терьерихи, на что та в благодарность тут же, прямо на груди, испустила лужу.

– Черт!!! – взревел Филин и начал махать руками, отбрыкиваясь и от Ксении, и от ее дурно воспитанной псины.

Терьериха от обиды залилась визгливым лаем, а Ксения, поморщившись, поинтересовалась:

– Евдоким, тебя не настораживает, что она постоянно ассоциирует тебя с туалетом? Может, тебе поменять одеколон?

Какой, к черту, одеколон?! У него вообще никогда не было одеколona! Он каждый раз исправно моется – в понедельник вечером. А мама говорила, что настоящему мужчине

вполне достаточно пахнуть чистотой! Или мылом. Правда, мылся Дуся всегда хозяйственным, но оно тоже ничего не имеет общего с отхожим местом! Но не говорить же о таких тонкостях Ксении, поэтому Филин счел нужным оскорбиться и напомнить:

– Я вообще-то не навязывался! Если что, я и к маме уехать могу!

Чтобы его успокоить, пришлось тащить Евдокима сразу на кухню. Там, среди тарелок и позолоченных вилок, Дуся разложил свою коллекцию гусениц и, уплетая курицу в сыре, воодушевленно знакомил слушателей с волшебным миром насекомых. Правда, Марфа Николаевна несколько раз выбежала из-за стола, жаловалась на несварение, но остальным лекция пришлась по душе. Во всяком случае, Толик именно так и сказал, он оказался самым стойким и поучительную беседу выслушал до конца. Один – у остальных оказались неотложные дела. После сытного обеда, который по времени больше напоминал ужин, Дусю уже никто не тревожил. Он залез в ванну и принципиально выкинул хозяйственное мыло. Горячая вода прилила к мозгам, и в голове снова стали всплывать события последних суток. Странная девица, истерзанные ягодицы, обещание до него еще добраться... А потом Алекс. Его удивление при виде Дуси... Нет, это было не удивление, это был... страх. Да, самый обычный страх. А чего он так испугался? Дуся, между прочим, хорошо выглядел: он утром помылся, зубы почистил, следов побоев нико-

му не показывал, так что бояться Алексу было совершенно нечего. И все же он напугался, да так сильно, что без разговора отдал ему весь бумажник. В бумажнике были только деньги, ни одной посторонней бумажки, зато денег было много. Дуся бы ни за что просто так никому такую сумму не отдал... Алекс сильно испугался, чего? Да, кажется, он тогда сказал: «Ты жив?» Точно. Будто Дуся ему обещал скончаться! Наглец. А потом... Потом Дуся поехал домой... и позвонила Ксения. Что за идиотская история с маньяком? Полный дом народу, охраны, а защитить несчастную хозяйку некому. И как этот маньяк вообще прокрался на территорию коттеджа? Хотя, чего там думать, рядом с соседским сараем огромная дырища, Дуся сам видел. Ходи кто хочешь. И что же получается? В таком навороченном доме неизвестно что творится? Не может такого быть. Должны же быть какие-то камеры наблюдения! Вполне вероятно, что продвинутый Алекс о них не знает, тогда надо ему подсказать. А с Ксенией... Ну что ж, если девчонка так хочет, чтобы он разобрался с этим маньяком, он, конечно, разберется, только... Только вот сейчас отмокнет, потом еще немного отдохнет, а потом... Нет, сегодня уже поздно начинать детективную деятельность. Надо же кого-то расспросить, с кем-то побеседовать. Допросы опять же. А кого тут допросишь, если все сейчас укладываются спать. Да и Алекс, наверное, не слишком идею с допросами одобрит. Надо, кстати, ему деньги отнести. Черт! В кои-то веки Дусе попалась такая сумма, а он

даже и не потратил нисколько! Ну ничего, это поправимо. Он просто оставит себе несколько зеленых долларов, и будет считаться, что он взял это за работу частного детектива. А что? Сейчас так делают. Заводят собственное расследование, а потом получают за это приличные деньги. Все, решено: с завтрашнего утра у Дуси начнется настоящая работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.